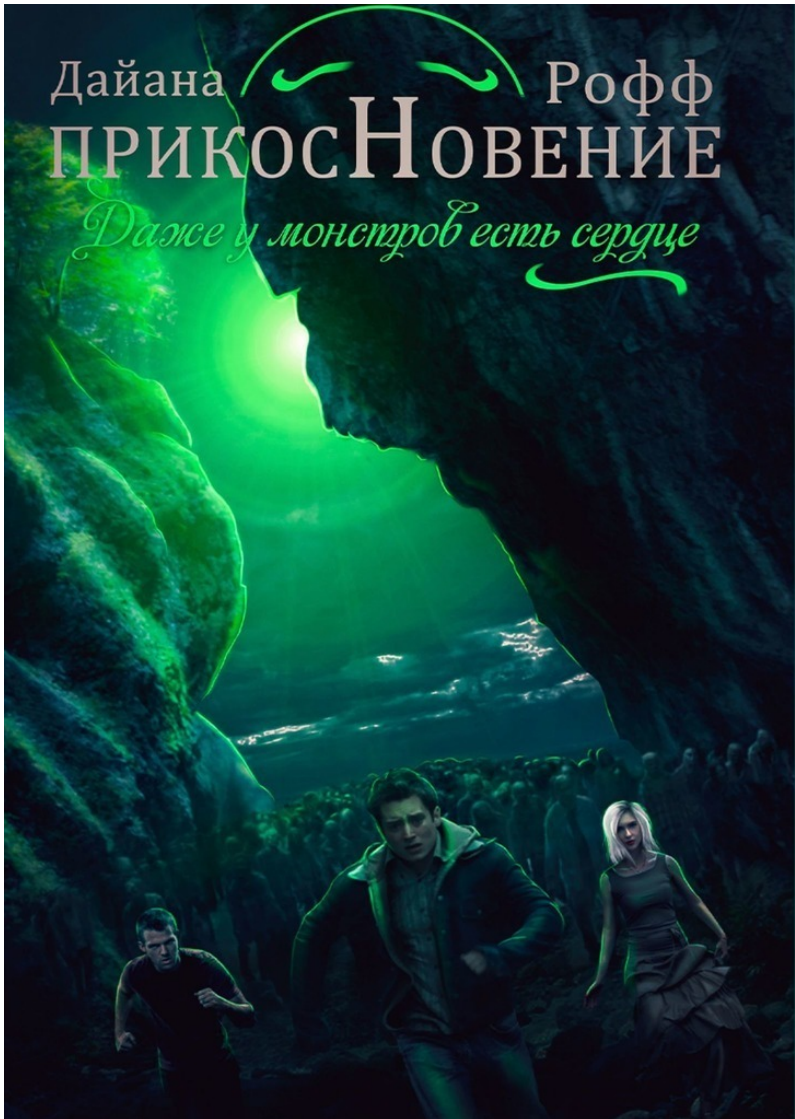

Дайана Рофф
ПРИКОСНОВЕНИЕ

Даже у монстров есть сердце

Дайана Рофф

Прикосновение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42571807

ISBN 9785449676849

Аннотация

Я заражаю людей. Одно прикосновение – и человек теряет рассудок, становится безумным, превращается в монстра. Она стирает людей. Одно прикосновение – и человек теряет память, затем чувства, а потом и всё своё тело, не оставляя после себя ничего, кроме душераздирающего крика. Он управляет людьми. Одно прикосновение – и человек под его контролем, после чего теряет себя, превращается в куклу, которой суждено только умереть. Три человека и одно прикосновение, из-за которого начнётся война.

Содержание

ЧАСТЬ 1. ЗАРАЗИТЕЛЬ	5
1. ВО ПЛАМЕНИ	8
2. ДЕВУШКА В ОГНЕ	17
3. УЖАС ВО ПЛОТИ	31
4. НЕЧТО ЖУТКОЕ	45
5. ПЛЕН ОТЧАЯНИЯ	57
6. ПОПЫТКА НЕ ПЫТКА	68
7. В БЕРЛОГЕ У ЗВЕРЯ	81
8. С ЧИСТОГО ЛИСТА	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Прикосновение

Дайана Рофф

© Дайана Рофф, 2019

ISBN 978-5-4496-7684-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. ЗАРАЗИТЕЛЬ

– Мистер Бертон, вы уверены, что это хорошая идея? – спросила молоденькая секретарша, со свойственной ей манерой растягивать гласные и сопровождая свои слова тревожной улыбкой красных губ.

– А с чего вдруг это может быть плохой идеей, Ханна? – с лёгкой усмешкой в голосе спросил мужчина, поправляя рукав своего тёмного, элегантного костюма. Он всегда называл свою секретаршу по имени, а не по фамилии, так как она ему не нравилась. Её же это вечно смущало, но она никогда не возражала против такой любезности. – Как-никак, этими экспериментами мои люди занимаются вот уже несколько лет, так что они в этом уже профессионалы.

Он оторвал свой взгляд от замусоленного рукава костюма и посмотрел в огромное окно, перед которым стоял. Внизу под ним расстилался сверкающий в утреннем свете город, по широким дорогам которого в сторону здания, управляемого мистером Бертоном, ехали несколько крупных, похожих на военные, машины. Это здание было крупной лабораторией, в которой проводились некоторые опасные эксперименты. Этот пятиэтажный квадратный дом, отливающий разными цветами из-за стекла, которым он был покрыт снаружи, был вторым именем мистера Бертона. Он купил лабораторию совсем недавно, буквально три месяца

назад, в середине лета, и сейчас здесь было ещё чисто, пахло красками и химикатами, и оборудования пока что было мало. Но мужчина не собирался здесь сильно осваиваться, так как считал это опасным, из-за одного человека...

– Я не об этом, сэр, – чуть смутилась секретарша, сжимая в руках папку с исписанными бумагами. – Не опасно ли то, что здесь, в центре города, будет находиться столько нового оборудования?

– Можешь об этом не волноваться, – мистер Бертон посмотрел на Ханну, повернувшись к ней лицом, и ободряюще улыбнулся, хотя и самому было почему-то тревожно. – Оборудование нам очень нужно, я собираюсь сорвать крупный куш, – он изучающе сузил глаза, наклонив голову на бок, и подошёл к девушке. – Но, вижу, тебя и не это волнует?

– Да, сэр, – ещё большие смутилась секретарша, потупив голову и скрывая любопытные серые глаза. Прядь огненно-рыжих волос упала ей на лоб. Она почему-то всегда смущалась при директоре, а особенно, когда они оставались одни. Ханна уже давно заметила, что с ней такое происходит только с мистером Бертоном, потому что со всеми остальными мужчинами она вела себя достаточно смело и дерзко. Может, потому что она личная секретарша такого крупного деятеля? Но почему-то ей казалось, что причина была в чём-то другом, совершенно ей непонятном. – Мне интересно... А не будет ли нападения? – на этих словах она украдкой посмотрела на своего босса, лицо которого выражало

безмерное спокойствие, после чего тут же отвела взгляд, снова опустив глаза вниз, будто она была в чём-то виновата перед ним. – Как-никак, а у вас в лаборатории будет проходить экскурсия, и в ней могут быть его шпионы.

*– Хм-м-м... Экскурсия? – мистер Бертон нахмурил брови, вспоминая, но через секунду уже снова улыбался. – Да, точно! Экскурсия! И как я мог забыть такое? Видимо, в последнее время слишком много хлопот набралось, – он покачал головой, похлопав по карманам, будто там мог найти причину всех его проблем. – Ничего страшного, не думаю, что что-то такое опасное произойдёт, если **ему** ничего не взбредёт в голову...*

1. ВО ПЛАМЕНИ

Никогда не ходите на экскурсии.

Какой бы заманивающей она не была, лучше не ходите, а то мало ли что может произойти.

Я, к примеру, тоже не подозревал, чем всё обернётся, когда согласился на поездку в новую лабораторию. И уж тем более я не подозревал, что на меня нападут охранники. Да, вы не ослышались, именно охранники! Тогда как они должны были нас защищать, они наоборот – напали. Я могу дать вам руку на отсечение, если не верите! Я ничего плохого не делал и не собирался ничего украсть. Даже хорошо себя вёл и не шумел, что было для меня нехарактерно.

Но так или иначе, на нас напали охранники.

На самом деле, я не знал, что в таком случае делать. Не имел ни малейшего понятия. Обычно в фильмах всех спасал какой-нибудь герой или человек, который следил за теми, кто должен был напасть, и кем обычно являлись злодеи. Но сложившаяся ситуация ставила меня в тупик. Ну не могут же охранники быть злодеями! Почти во всех фильмах они являлись глупыми и толстыми людьми, которые никогда не могли нормально позвать на помощь, когда что-то происходило, к примеру, ограбление или что-нибудь похуже. И как всегда охранников вырубали или, что было ещё хуже, – убивали.

Не знаю как, но мы, а точнее я со своим лучшим другом Уиллом, догадались, что нужно бежать.

О, если бы всё это было так легко! Никогда ничего не бывает лёгким, особенно если это побег из горящей лаборатории.

Огонь обжигал кожу, обжигал лёгкие, обжигал глаза.

Он пылал везде, куда ни посмотри: в комнатах, на оставленных вещах и школьных рюкзаках, валявшихся на полу, на одежде трупов, которые встречались нам по пути. Не знаю, умерли эти люди от взрывов или же их убили ещё раньше, но меня волновала своя жизнь. И то, как выбраться из этого здания.

Задаваться вопросами о том, кто на кого напал, что происходило, зачем охранники так поступили, почему нас никто не спасал и почему расстреляли моих однокурсников, я считал бесполезным. Ведь мне всё равно никто ничего не расскажет, а я просто постараюсь об этом забыть, как о страшном сне, если, конечно, выживу. Я ведь не был каким-нибудь крутым героем из боевика, не был ни спасителем мира, ни, уж тем более, знаменитой личностью, которой можно было почти что всё. Я всего лишь обычный шестнадцатилетний подросток со своими проблемами, учившийся в Медицинском колледже и поехавший на эту злосчастную экскурсию.

Да уж, как-то не очень оптимистично, особенно после того, как я собирался дать вам руку на отсечение, чтобы вы мне поверили. Но о каком оптимизме могла идти речь, если

я со своим другом бежал по коридору в поисках выхода, при этом избегая охранников? Да тут только плакать надо!

Но я этого не собирался делать даже тогда, когда справа от меня взорвалось окно. Мощный поток воздуха и огня отнёс меня с Уиллом к стенке. Удивительно, что на ней не остались отпечатки наших перепуганных лиц.

Боль была ужасной. Она будто проникала в каждую клеточку моего тела, заставляя скрючиваться и стонать, что выглядело не совсем по-геройски. Не каждый день испытываешь такую боль и такие гоночные приключения.

– Чёрт, – зажмурившись, я попытался сесть, облокотившись об стену.

Кровь стучала в висках, голова раскалывалась, словно по ней хорошенько прошлись топором, мышцы всего тела, а особенно в ногах, горели от такого сумасшедшего бега, лёгкие, казалось, сейчас разорвутся на мелкие кусочки, которые изуродуют пол ещё больше. В ужасе я уставился на то, как у меня из руки торчал осколок стекла. Сказать, что выглядело это противно – ничего не сказать. Тошнота подступала к горлу, кровь стекала из глубокой раны, от чего меня чуть ли не выворачивало наизнанку. Нет, не подумайте, что я боюсь крови, ничего подобного! Просто это жутко неприятно, когда из твоей руки торчит осколок, заляпанный твоей же кровью.

Дрожащими руками и со стиснутыми зубами я своими обкусанными ногтями пытался вытащить осколок из руки,

пыхтя при этом, как паровоз, и напрягаясь до невозможности. На остальные многочисленные порезы я не особо обращал внимания, потому что они не очень сильно болели и не угрожали мне смертью. Хотя с этим я немного переборщил. Да, я правда мог потерять очень много крови и от этого умереть, но вряд ли мне это грозило, если я выберусь отсюда. Осталось только выбраться...

– Стой, ты что творишь?! – Уилл, который выглядел не лучше побитого человека, подскочил ко мне, в панике осматривая мою рану, и отдернул мою руку, чтобы я не натворил глупостей. – Дай, я попробую.

Не в силах возражать не только от боли, но и от жуткой усталости, я послушался парня и позволил ему со мной делать всё, что тот хотел. Это же друг, он всегда поможет! По крайней мере, я очень на это надеялся.

И, оказалось, что не зря (о, хвала богам)! Уилл, который был более ловкий, чем я, и более осторожный, медленно доставал из моей руки осколок, при этом зажимая мне другой рукой рот, чтобы я не завизжал от боли. Конечно, кто, как не он, знал, что я любил покричать, как девчонка? Я весь скривился от мучений, лицо, казалось, уже застыло в сморщенном виде, словно по нему проехали или смяли, забыв распрямить. Я не смотрел на то, как работал Уилл, иначе бы меня стошнило прямо на него, испачкав его и без того грязную от дыма и пыли учебную форму.

Громкий звук отлетевшего в сторону осколка, который

ударился об пол и проскользнул по нему, словно по льду, заставил меня обрадоваться своему спасению. Стараясь не смотреть на жуткую глубокую рану у себя на руке, которая, наверное, стала ещё больше, чем была до этого, я посмотрел своему герою в эти всегда озорные и добродушные глаза, знакомые ещё с самого детства. Чёрные, как смоль, волосы Уилла растрепались, будто по ним прошёлся ураган, лицо озаряла счастливая улыбка, так хорошо подходящая его с правильными чертами лицу, в котором читалась такая беззаботность и радость, точно мы не находились посреди пожара в огромной лаборатории и нас не преследовали охранники, желающие нас убить, словно мы самые закоренелые преступники. Порой я поражался тому, как друг мог выглядеть совершенно безмятежным и весёлым в самой сложной и опасной ситуации. Думаю, он даже более сумасшедший, чем я. Эта мысль заставила меня рассмеяться. И неважно, что я был наполовину заляпан собственной кровью. Классно, не правда ли?

– Что ты ржёшь как конь? – усмехнулся Уилл, помогая мне встать с пола и смотря на меня, как на идиота. – Тебе смешно, что нас чуть не убило взрывом?

– Не надо так негативно думать! – возмутился я, переставая смеяться, но вовсе не из-за слов друга, а потому, что мне было больно. Всё тело ныло и требовало отдыха, точно после тяжёлой тренировки (которых я ненавидел, как и весь физический труд), но я не мог позволить себе расслабиться,

по крайней мере, точно не сейчас. – Я всего лишь сумасшедший!

– Не стоит так шутить, а то ещё окажется правдой, – неожиданно серьёзно проговорил Уилл, нахмутив брови. Под его укоряющим и тяжёлым взглядом я почувствовал себя неловко. Да уж, это был перебор.

И кто же знал, что это окажется правдой в моём ближайшем ужасном будущем. Или в его конце.

Только я хотел попросить прощения у друга, будто бы нам и не угрожала опасность, как вдруг она о себе объявила. Причём внезапно, громко и смертоносно.

Пуля со свистом пролетела мимо меня, отрекошетила от стены и отскочила в сторону, чудом нас не задев, за что я был ей мысленно благодарен. В коридор, в котором были мы с Уиллом, вбежал охранник, один из наших преследователей, держа наготове пистолет. Его волосы растрепались, лицо покраснелось, словно его обмокли в краску, грудь тяжело поднималась, с шипением выпуская воздух, но глаза выражали стойкость и упорство, которые точно показывали, что «охотник» не собирался так легко отпускать своих жертв.

– Валим! – не сдержав это отчаянное слово, смешанное с таким же отчаянным криком, я помчался вперёд, видя, что в конце коридора был поворот, будто свет в конце туннеля. Но, пожалуй, не стоило думать о смерти, когда ты и так был на грани гибели.

– И без тебя знаю! – усмехнулся Уилл, двигаясь за мной,

тогда как нужно было наоборот – он должен был быть впереди. Ведь он всегда был впереди меня, и не только на физкультуре, но и по всем предметам. Он словно был идеалом для меня, целью, которой я желал добиться, прототипом, которым мне, увы, просто не суждено было стать.

Я бежал, не оглядываясь и стараясь не думать, что мы вот-вот умрём. И чего этот охранник ждёт? Почему не стреляет? Ведь для него это так просто – лишить жизни невинных людей. Я видел, как он и его сообщники неожиданно начали стрелять по моим однокурсникам и друзьям, будто и не по людям вовсе, словно человеческие жизни ничего для них не значили. Я помнил, как с хлюпаньем повалилась на пол наша преподавательница, а из её продырявленной груди текла кровь, как падали, точно камни, ребята, то крича от шока, то стоная от боли, то тихо испуская свой дух.

Это были ужасные картины. Я никогда не видел, как умирал человек от пули, никогда не знал, что такое смерть и как она ужасна на самом деле, в отличие от того, как это показывали в голливудских фильмах. Я не понимал и половины того, что произошло тогда, пока крик Уилла не выдернул меня из шока, заставляя оторваться от этого жуткого зрелища, а ноги не понесли меня за другом.

– Стойте! – в ярости закричал охранник, которого уже явно выбешивало, что мы убегали от него, как зайцы от охотника.

Пара пуль полетели в нашу сторону, но в этот момент мы

повернули за угол, как раз вовремя, чтобы сберечь себе жизни. Думаю, я мог бы чувствовать себя героем или мачо в каком-нибудь крутом фильме, как, к примеру, Том Круз, если бы не выглядел со стороны совершенно убого: пухлый, болезненно бледный с покрасневшими щеками, вспотевший и умирающий от быстрого бега. Да уж, мне слишком далеко до мачомена, и уж куда мне сниматься в фильмах. Я не мог даже нормально бежать: ватные ноги подкашивались, сердце ныло в груди от такого быстрого и непривычного темпа, лёгкие качали воздух, пытаюсь хоть как-то надышаться; покалеченную руку я не мог согнуть – рана находилась чуть ниже локтя на тыльной стороне, где были вены, отчего из неё до сих пор лилась кровь, как из фонтана. Обращать внимания на боль уже было некогда – надо было спастись, а не мучиться и стонать.

Коридор, в который мы, пыхтя как паровозы, выбежали был длинным, отчего в мою голову полезла неприятная мысль: нам конец. Я видел впереди ещё один поворот, но до него было слишком далеко, чтобы не попасться снова под пули. Но и в следующем коридоре вряд ли бы мы нашли выход. По-моему, мы бежали уже не к нему, а от него. Но так или иначе, мы мчались вперёд, не останавливаясь, как сумасшедшие.

– Я сказал стойте! – в ещё большей ярости закричал охранник, бежавший за нами по пятам и, остановившись, снова выстрелил.

На мгновение я подумал, что нам снова повезло, пока не понял, что больше не слышал ни топот, ни дыхание за собой. Чуть ли не задохнувшись от паники, я в страхе посмотрел назад и застыл. Уилл, широко открытыми глазами смотря на меня, сжимал грудь рукой, по пальцам которой текла алая кровь, пачкавшая его одежду ещё больше. На мгновение я перестал верить в реальность, ведь не мог же мой лучший друг, почти самый близкий мне человек и спутник по жизни, умереть?! В груди разрасталась огромная, удушающая волна боли.

Пощатнувшись, парень попытался сделать шаг вперёд, но упал лицом на пол, а за ним упало моё сердце, утонуло в океане душераздирающей печали и страха, поглотилось тьмой безвыходности и мучений, заныло от страданий и невыносимой боли. Мне хотелось подбежать к нему, потрогать его и надеяться, что он жив, что это всего лишь иллюзия или страшный сон, хотелось, чтобы он всегда был жив, хотелось увидеть его улыбку и озорные глаза, но это было бы напрасно.

Уилл был мёртв.

2. ДЕВУШКА В ОГНЕ

Никогда не сожалейте. Это всё равно бесполезно.

Однако я поступил совершенно наоборот – сожалел. Мне было очень жаль, что мой лучший друг погиб. Но что такое жалость? Это всего лишь чувство человека, его размышления и желание помочь или хоть как-то улучшить ситуацию, но не в моём случае. Здесь эта жалость была ни к чему. Она не поможет. Мне уже ничего не поможет, чтобы избавиться от боли. Мне было обидно, что всё так получилось, что все, кто поехал сегодня на экскурсию, умерли, что и моя жизнь висела на волоске. Смерть приходила слишком быстро, забирая с собой слишком многое.

В груди словно всё остановилось, заледенело, только сердце громко билось об рёбра, словно одинокий стучащий об дерево дятел посреди тихого леса. Дыхания почти не было, тело точно умерло и онемело, будто из него вынули всю нервную систему, и только жуткая рана на руке напоминала мне, что я был живой. Но мои чувства были мертвы. Убиты. Расстреляны, как и мои друзья.

Я вспомнил, как посмотрел на меня широко раскрытыми глазами Уилл перед смертью, как в них читалась вместо озорства понимание того, что это последние мгновения его жизни, как в нём боролось сожаление и уверенность с тем, что он жил не зря, как он пытался доказать себе, что что-то

стоил обществу. Но в его глазах ещё выражалось искреннее извинение передо мной, словно он боялся, что я не проживу и минуты без него, что он уходил из этого мира не по своей вине. Я понимал своего друга и считал, что он погиб не зря. Возможно, это прозвучит слишком эгоистично, но Уилл спас мне жизнь, пожертвовав собой. И я не должен был его подвести, как обычно это делал. Нет, только не сейчас.

Ещё один выстрел заставил меня отвести взгляд от неподвижно лежащего тела у моих ног. Мгновение я ужаснулся, что сейчас и я помру, но понял, что пуля прошла мимо. Уже во второй раз я благословил свою судьбу. Почти ничего не соображая, я помчался дальше вперёд и, перед тем как скрыться за поворотом, заметил, что охранник, стрелявший в меня, чертыхнувшись, начал перезаряжать пистолет, что значило только одно – у меня в запасе было несколько секунд (о, хвала богам, как это много! Даже не знаю, что и делать с ними!). Коридор, в котором я очутился и бежал как сумасшедший, был очень тёмным (что было, между прочим, очень страшно) и коротким, так что через пару секунд я уже снова повернул за угол.

Тупик.

Капец. На мгновение, буквально на мгновение, я подумал, что это конец, что весь наш побег был зря, что Уилл отдал жизнь напрасно. Но это было всего лишь на мгновение, пока я не заметил светящуюся табличку на двери справа от меня. Яркие красные буквы горели «НЕ ВХОДИТЬ! ОПАСНО!»,

но что могло меня остановить? Какой дурак не зайдёт в комнату, в которой мог спрятаться, если был на грани смерти? Ну точно не я, хотя я и был временами дураком!

– Плевать я хотел на ваши правила, – недовольно прохрипел, я толкнул дверь и, войдя внутрь, тут же её закрыл.

Осматривать комнату я не собирался. Зачем? Здесь было достаточно темно и так пахло кислым, что и так было понятно, почему здесь нельзя находиться – химикаты. Что ещё такого угрожающего могло быть в лаборатории, хоть и новой? Только что-то ядовитое или взрывоопасное. Но проверять я этого, конечно же, не стал, что делало меня легкомысленным и за что я поплатился. Я медленно пятился назад спиной, не спуская глаз с двери, ожидая, что вот-вот в неё начнёт стучаться охранник, желающий меня растерзать как дикий зверь, но пока было всё тихо до того момента, пока я не упал.

Да, именно, упал. А точнее, поскользнулся на какой-то пустой пробирке.

На спину, со всего своего довольно невысокого роста, совершенно позорно и нелепо. В любом таком же случае я бы рассмеялся, удивляясь своей невнимательности и рассеянности, но не сейчас. Дикая боль пронзила всё моё тело, словно в него вонзили кол. Я еле удержался, чтобы не закричать во всё горло, но вовремя прикрыл рот рукой, крепко его зажав, отчего я чуть ли не задохнулся, однако был близок к этому. Мою покалеченную руку будто медленно и мучительно рубили от кончиков пальцев до самого плеча. Я посмотрел

на свой источник страданий – в рану попала какая-то чёрная, точно нефть, жидкость, которая пузырилась на крови, словно та вскипала от её ядовитого воздействия.

Мой желудок наконец не выдержал. Отвернувшись в другую сторону и зажмурившись, я выплюнул переваренные остатки своего завтрака, чувствуя, как скрючивался не только мой желудок, но и всё тело. О, как же это было мучительно! Мне просто становилось плохо от того, что во мне ничего не осталось от такой вкусной маминой пищи! Всё утро, которое она провела за готовкой, получается, было зря. Однако, я всё равно не должен был умереть, как бы я не боялся смерти. Посмотрев на свою промокшую и покрашенную в разные цвета одежду, до меня только сейчас дошло, что, падая, я свалил на себя с ближайшего стола все колбы с химикатами, отчего и был весь мокрый. Теперь дело обстояло ещё хуже, чем было до этого. Круто, очень круто. Просто СУПЕР.

Слёзы медленно прокатились по щекам. Нет, я не был плаксой, только не подумайте так! Просто последнее произошедшее со мной событие ещё и до такой степени нелепое меня добило. Сначала на нас напали, расстреляли как собак моих друзей, потом взрыв и осколок, покалечивший меня, затем смерть Уилла, а теперь ещё и химикаты, от которых я мог умереть, тем более один из них попал прямо в мою рану. Приключения вертели мной как хотели, словно я был никчёмной пешкой в чьих-то кровожадных руках. Боль сжимала меня изнутри, душила, не позволяя вздохнуть полной

грудью, отчего отчаяние поглощало меня ещё больше. Страх заставлял меня представлять ужасные картины своего мучения и медленной смерти, заставлял трястись, как при лихорадке, и чуть ли не писаться в штаны, заставлял чувствовать ощущение пустоты внутри себя, одиночества и беспомощности.

Руку жгло, будто в ней кипела кровь, распространяя химикат по всей кровеносной системе, отравляя тело ещё больше. Отравляя мою душу, сердце, разум. От потери, от боли, от мучений. Наверное, я должен был почувствовать, что во мне что-то менялось от химиката, как будто бы я должен был стать Халком и спасти весь мир, однако всё происходило ровно наоборот – я совершенно ничего не ощущал и не становился героем. Никаких изменений. Может, я и не умру вообще?

Знаете, никогда не надейтесь на лучшее. Только на худшее. Может быть, это вам поможет.

Как только я подумал о хорошем, пытаюсь себя хоть как-то подбодрить, то мои мечты тут же развеялись громким стуком в дверь. Ну, как стуком? Просто охранник, желающий меня растерзать, вламывался в комнату. Какая тут ещё могла быть мечта? Только не умереть.

Я в ужасе осмотрелся в поисках места, где можно было бы спрятаться, но вокруг меня были только металлические столы и разбитые колбы, валяющиеся в разноцветной жидкости из-под химикатов, будто кто-то пролил акварельные краски.

Я попытался что-то предпринять и хоть что-то придумать, но вид моей окровавленной руки, испачканной ещё и чёрным химикатом, заставил меня отбросить все планы и ждать своей участи. А она, тем временем, взбесившись и выстрелив в ручку двери, ворвалась в комнату и нацелила на меня пистолет. Знаете, я даже не дрогнул. Мне было настолько плохо, настолько меня терзал страх своими острыми когтями, что я не мог уже пошевелиться. Но участь явно этого не хотела.

– Вставай! – в ярости закричал всё тот же охранник, дыша при этом как паровоз. Его глаза горели, будто огни самого Ада, но они воспламенились ещё больше, когда он увидел, что я не вставал с пола и даже не собирался этого делать. – Я сказал вставай!

В доказательство своих слов он выстрелил в мою сторону, пуля прошла в нескольких десятках сантиметрах от меня, но я был уверен, что, если бы он хотел прикончить меня, то попал бы точно в цель. Кадык дрогнул у меня в горле, штаны чуть ли не обмочились, по телу прошла сильная дрожь. Медленно я начал вставать с пола, стараясь не только не опираться на мою раненую руку, но и не смотреть на неё. Я старался не стонать от боли и не плакать, хотя слёзы до сих пор скатывались по моим щекам, а из груди вырывались тихие всхлипы.

Всё также под прицелом, я, мучаясь болью и покалыванием в раненой руке, наконец-то тяжело встал и почти что рас-

прямылся в свой недлинный рост, пока на меня не наступила новая напасть. А, может, это было спасение свыше? Так или иначе, в комнате неожиданно стало на одного человека больше.

Она появилась совершенно неслыханно не гадано, будто её прислали с Небес. В мрачном окружении она выглядела как луч света в темноте, как ангел среди демонов, как радость в океане печали. И что ещё было более радостнее, что её не заметил охранник. Однако, увидев её, я вытаращил на неё глаза, точно передо мной стоял не человек, а инопланетянин. Хотя её странная красота вполне могла делать её неземной. Белые, словно цвет Луны в полнолуние, волосы, которые казались совершенно необычными, но явно не покрашенными; серебристые, точно отражение месяца в воде, глаза, в которых читалась строгость, настойчивость и храбрость; лицо похудевшее и такое суровое, что, казалось, целая армия войска не спорила ни с одним приказом девушки; тонкие длинные руки и не менее длинные ноги, как у цапли; явно когда-то белое, но сейчас уже серое платье, чуть порванное к низу и висевшее на ней так свободно, будто бы под ним находился только скелет, а не женское тело.

Она выглядела настолько сногшибательно, что я не мог отвести от неё глаз и так и стоял, разинув рот; даже слёзы перестали течь из глаз, а боль в руке, казалось, приутихла, будто бы даже страдания могли прекратиться из-за такой ангельской красоты.

Охранник уже хотел крикнуть мне новый приказ, его рот разинулся, лицо покраснелось ещё больше, однако «пикнуть» он не успел – незнакомка коснулась его шеи. Может, она была магом и это было такое заклинание, которое должно было превратить мужчину в лягушку? Или же она так привлекла к себе внимание? Или она решила его испугать таким вот странным образом?

Но то, что произошло дальше, меня просто сразило наповал.

Нападавший стал задавать вопросы. Да, именно, вопросы. В то время, как это я должен всем подряд спрашивать, что вообще происходило и почему, это делал мой преследователь, что меня возмутило. Да какого Дьявола тут всё идёт ровно наоборот?! Знаете, это очень выбешивало, когда ты на грани смерти и даже не знаешь почему именно и главное зачем. Очень круто, не правда ли?

– Что?... – охранник повертел оружие в руках (хвала богам, уже не направленное на меня), словно видел его впервые в жизни. – Кто?... – он посмотрел на меня, в его глазах на мгновение появилось сочувствие, когда он увидел мою кровоточащую и омерзительную на вид рану на руке. – А... я кто?

Не успел я ответить ему «серийный убийца Дед Пихто», как он начал истошно кричать. Пожалуй, будь я на его месте, я бы тоже закричал, если бы у меня испарялись руки. Просто исчезали, превращались в туман, будто их и не было

никогда вовсе. Это ввело меня в шок. Это что, магия? Или этому есть научное объяснение? Но от моих размышлений охраннику не становилось лучше. Он хотел быть дёрнутым или хоть что-то сделать для своего спасения, но не смог: его ноги испарялись, что делали и его тело и голова. Никогда бы не желал не только себе, но и своим врагам такой участи. Слишком уж это было... Жутко.

Мурашки прошли по моей спине, когда крик мужчины резко оборвался, а его одежда тихо упала на пол. До сих пор я не мог поверить в то, что только что произошло. И это было из-за одного прикосновения девушки? Эта мысль заставила не только вспомнить о незнакомке, но и в страхе съёжиться и чуть отступить назад, в ужасе пялясь на неё.

А девушка... Она просто стояла в полуобороте и равнодушно смотрела на меня, будто ей не было никакого дела ни до меня, ни до только со случившегося, словно она видела это не в первый раз. И не в последний. Интересно, как она оказалась жива в этом пожаре? Хотя я мог задать себе такой же вопрос: сам-то я как до сих пор жив остался? Только чудом.

– Кто ты? – властным голосом спросила она, ещё больше нахмутив свои тонкие серые брови. Её глаза недружелюбно блеснули. Знаете, в этот момент я понял, что лучше бы я умер, чем стоял перед ней, как маленький и беззащитный ученик перед строгим и разъярённым учителем, хотя девушке было не больше лет, чем мне. – Я спрашиваю ещё раз, кто

ты? – снова обратилась ко мне незнакомка, когда я ей не ответил и смотрел на неё, словно был идиотом. – Кем будешь?

– Я... Джейк, – нервно сглотнув, промямлил я, обливаясь потом и дрожа от страха. Да что это со мной было? Я должен был произвести на неё впечатление героя, храброго парня, а не труса, боявшегося даже разговаривать. Но что правда, то правда, этого не исправить.

– Нет, не знаю тебя, – покачала головой незнакомка и надела на руки резиновые, тонкие, белые, как и она вся сама, перчатки, будто боялась испачкать пальцы. Одна что-то мне подсказывало, что это далеко не так. – Ты случайно не дестер?

– Кто? – не понял я, совсем теряясь рядом с этой странной девушкой. – Ты... ты вообще кто такая?

– А тебе то какая разница? – раздражительно бросила она, оглядывая комнату, точно что-то искала, но не находила. Значит, она не бежала сюда меня спасать, её интересовало совершенно что-то другое, а не моя жалкая жизнь. Чёрт, как же обидно. Может, в этой комнате был какой-то нужный ей химикат, позволяющий ей не пачкать руки? Глупая шутка. Да и весь я не умный. – Ты ведь хочешь выбраться? – она оглядела моё окровавленное и мокрое тело с раной на руке, на которой до сих пор пузырилась и шипела чёрная жидкость, которая никак не могла меня отравить, оглядела мои растрепавшиеся русые волосы, моё испуганное, страдальческое лицо, мои молящие о пощаде глаза. – Хочешь выбраться?

ся живым?

– А кто от этого откажется? – усмехнулся я, поражаясь, что ещё способен на такое при своих разбитых вдребезги душе и разуме. – Разве ты знаешь, где выход?

Девушка лишь самоуверенно фыркнула и выбежала из комнаты. Проклиная себя из-за слабости духа и своей жалкой трусости, я помчался за ней. И не остановился даже тогда, когда снова увидел тело Уилла, его окровавленную спину от пули, его чёрные как смоль волосы, когда в груди что-то снова сломалось, а душа почти что разорвалась от боли, когда мой разум чуть ли не поглотило одиночество, тоска, печаль...

Бег заставил меня отвлечься от этих грустных мыслей, мои измученные мышцы ног снова заболеть, а дыхание сбиться. Но я не отставал от странной незнакомки, надеясь, что она меня наконец-то выведет из этой чёртовой горячей лаборатории. Огонь снова обжигал мне лёгкие, обжигал кожу, обжигал глаза. Но я не сдавался, я всё бежал и бежал за ней, поворачивая то в одни коридоры, то в другие, то перепрыгивая через лестницу, то обегая слишком горячие места.

– Чёрт! – выругался я, когда поскользнулся и упал прямо на пятую точку. Рана на руке снова закровоточила из-за такого резкого движения.

Для моего тела это было блаженством наконец-то отдохнуть. Но для моей жизни это означало конец, потому что я

уже не мог встать из-за бессилия и большой потери крови. Из-за своего ничтожества.

Прошу вас, никогда так не позорьтесь, как это делал я. Вы себе всю жизнь испортите.

– Что ты разлѣгся? – раздражѣнно спросила меня девушка, подбегая ко мне, но даже не пытаясь помочь. Огонь пылал за её спиной, создавая яркую ауру вокруг неё, отчего она становилась ещё более красивой и неземной. Если бы ещё её лицо не портила сердитость. – Нам нужно уходить, пока нас снова не нашли!

– Так помоги! – простонал я, корчась от боли на полу. Страх терзал меня, моё тело и сознание, готовое вот-вот уйти от меня. Умоляющим взглядом я посмотрел на незнакомку, которая своим решительным выражением лица ясно дала понять: нет, она мне не поможет. Но почему? Что я такого ей сделал?

– Подумаешь, тебе плохо и ты устал! – в гневе всплеснула она руками. – Да ты бы видел, как дестеры сражаются за свою жизнь! Ты бы видел, как они сопротивляются, как они борются! Как я, вместе с ними, боролась и сейчас борюсь! А ты?!... Я думала, ты мне поможешь, приведѣшь меня к свободе, защитишь меня, а ты... ты просто жалкий трус! Слабак! Видеть тебя не хочу! – последние слова она просто выплюнула, будто дала мне пощёчину.

Знаете, как это было больно? Как это было унижительно? Как это было жестоко?

Меня словно растоптали, уничтожили все мои достоинства, убили мои мечты о героях и их понятиях, заставили почувствовать на себе всю свою горькую правду о трусости и слабости духа, ощутить беспощадную и совершенно несправедливую реальность.

– Но я...

– А трусов я не спасаю, – резко прервала меня девушка, скрестив руки на груди и со всем презрением смотря на меня. И чем же я ей так не понравился? Всего лишь из-за того, что упал и не мог встать? Из-за того, что я плакал и трясся от страха? Из-за того, что я ранен, совершенно беспомощен и слаб? Как глупо...

Такой глупости я ещё никогда не совершал. Но человеку это свойственно – поступать так глупо, чтобы хотелось провалиться сквозь землю.

Не знаю, что я бы ответил на её обидные слова, какой чуши бы сказал, но в этот момент слышались чьи-то голоса, будто кого-то звали.

Пожарные.

Господи, как же я был рад. Наконец-то я спасён. Облегчение – вот что меня настигло. Но девушка точно не была этому рада. Скривив в разочаровании лицо и, по-моему, чуть ли не плача, чему бы я был очень удивлён, суровым взглядом она окинула меня лежащего и убежала куда-то вперёд. В огонь.

А я смотрел ей вслед, так ничего и не поняв, почему она

так разозлилась на меня, что вообще произошло и почему я такой слабый, пока её силуэт не исчез в огне, пока меня не забрали пожарные и пока меня, наконец, не покинуло сознание.

3. УЖАС ВО ПЛОТИ

Я никогда не боялся темноты, всегда считал это глупым, не видел повода. Но с недавнего времени я пугался её до смерти. Почему? А вы знаете, как это жутко страшно, когда на тебя нападают монстры? Монстры, которых создал ты сам?

Слишком тёмное помещение. Ничего не разглядеть. Почти ничего.

Я видел какие-то очертания комнаты, в которой очутился, бетонные потрескавшиеся стены, потолок в дырах, откуда было видно тёмное ночное небо почти что без звёзд. Это был единственный источник света, пока вдруг не появился ещё один. Яркая вспышка чуть ли не ослепила меня после долгой темноты. Это, как я понял, включился фонарь в потолке. Не знаю, кто и зачем его включил, но меня это насторожило. Кто тут был кроме меня? И что он делал здесь? И где это – здесь? Мурашки прошли по спине, словно муравьи, заставляя съёжиться от ужаса и со страхом вглядываться в тёмные углы помещения, боясь, что сейчас оттуда что-то да и вылезет.

Я осмотрелся. Совершенно пустая, широкая комната, пересечённая железной решёткой посередине. Одинокaя лампочка в потолке, которая так внезапно зажглась. Никого и ничего. Совершенно пусто и тихо. Меня пробрал холод

до костей. Слишком уж подозрительно. И страшно. Будто затишье перед бурей. Я слышал, как сердце бешено стучало в груди, чувствовал, как лоб покрылся испариной, ощущал, как обострились мои чувства и эмоции. Что-то заставляло меня с настороженностью вертеть головой. Но двигаться, или же просто шагнуть, я не решался. А вдруг из-за моего движения воздух, который, казалось, стал плотнее, вдруг зашевелится и задушит меня? Откуда мне знать, вдруг здесь была какая-то магия?

Но эти размышления оказались бесполезны, когда мой взгляд вдруг не упал на Уилла, который совершенно внезапно появился за решёткой. Моё сердце замерло от отчаяния. Уилл...

Он же умер. Погиб, защищая меня. Отдал жизнь за то, чтобы я мог продолжать свой путь, но уже без него. Разве это справедливо? Разве я должен был оставаться живым? Почему не меня забрала смерть, тогда как это было бы куда справедливее, ведь Уилл был более достойный, чем я? Почему я не бежал за ним, почему я был впереди, тогда как должен был быть сзади?

Почему люди смертны? Зачем они умирают? Не в этом же счастье. Только горе.

– Джейк... – проговорил парень умоляющим голосом, чуть ли не плача, отчего моё сердце застыло в груди, – Джейк... – он вцепился в решётку своими окровавленными руками. Стоп, окровавленными? Но... Что он ими делал?

Насколько я знал, он всегда был против какого-либо насилия и убийства и никогда бы не пошёл против своих принципов. – Джейк, помоги мне! Помоги мне!...

Я с ужасом наблюдал, как он кричал, как катились по его грязному лицу слёзы, оставляя белые полосы, как безумно сверкали его голубые глаза. Хотя нет, они не были больше голубыми, они стали чёрными, как у... как у демона. С его спутавшихся чёрных волос капала кровь, черты лица обострились от резкой потери веса, некогда загорелая кожа стала бледной и тонкой, как бумага. Нет, это был не мой Уилл, не мой лучший друг, не мой спутник и помощник по жизни, не мой фаворит, а какой-то псих, какой-то монстр...

Что же с ним произошло? Что сделало его таким... чудовищным? Ужасающим? Уродливым? Эти мысли заставили меня почувствовать вину. Неужели в его изменении был виноват я? Но с чего вдруг? Ведь Уилл умер. Умер... из-за меня?...

– Джейк! – жалостливо взвыл парень, сильно тряся решётку, будто хотел добраться до меня, сломав её. Сломав мою душу, моё сердце, мою жизнь. – Джейк, ты обещал помочь мне! Ты обещал! Так помоги же! Помоги!... – его голос превратился в отвратительный визг, но я переборол желание сморщить лицо и сказать, чтобы он заткнулся. Мало ли что к чему это могло привести?

Я не сдвинулся с места. Ноги как будто прилипли к полу, дыхание сжалось, я почти что не дышал, с ужасом и страхом

наблюдая за своим другом. Нет, не за другом, не за человеком, а за монстром. Самым настоящим монстром. Уилл, увидев, что я не поддавался его словам и стоял как вкопанный, истошно закричал, вцепившись зубами в решётку и протягивая сквозь неё руку, будто хотел придушить мою глотку, сдавить моё тело, убить меня, чтобы отомстить.

Вдруг послышались ещё крики. Позади Уилла показались все мои погибшие однокурсники. Они были в ужасном состоянии, такие же ободранные, окровавленные, измученные и... безумные, словно всех постигло одно проклятие, один вирус. Они превратились в монстров, в тварей, жаждущих крови и человеческих смертей, тогда как они больше не являлись людьми. Они кричали, звали меня на помощь, выли, бились головой об решётку, грызли её зубами, скреблись об неё ногтями как кошки, визжали, падали и снова вставали. И все что-то хотели от меня, просили то ли моей помощи, то ли моей смерти. Но я не двигался. Меня просто поглощал страх, отчего все мои конечности оцепенели. А боль от воспоминаний не позволяла не только что-то сказать, но и даже мыслить.

Вдруг послышался скрежет. Мерзкий, слишком громкий и сильно режущий слух. Это опустилась решётка, что разделяла комнату на две части, и что спасала меня от безумцев во главе с Уиллом. Мгновение – и монстры ринулись на меня, желая всеми силами своей помрачённой души меня убить...

Я проснулся весь в поту. Сказать, что мне было страшно – ничего не сказать. Ужас от кошмара словно вжился в мой мозг, не позволяя мне жить как нормальный человек. Мне ещё никогда не снились настолько жуткие сны. Перед глазами всё ещё стояли картинки монстров, их кровожадные чёрные глаза и омерзительный визг, но их быстро затмила боль в голове и руках. Мне было плохо, такое чувство, будто меня раздавили, расчленили, покромсали на кусочки, после чего решили собрать заново, но при этом потеряв несколько частей. Да уж, состояние не из лучших.

Пару раз зажмурившись, чтобы хоть как-то прийти в себя после кошмара, я потрянул головой и посмотрел на свои руки. И застыл от шока. И ясно почему – мои пальцы были чёрными, будто сама кожа на них почернела. Не буду скрывать, я ещё больше перепугался. Знаете, не каждый день встречаешь человека со совершенно чёрными пальцами, особенно если такие пальцы у тебя самого. Я подумал, что это, скорее всего, от того самого химиката, который попал в мою кровь из-за раны при пожаре в лаборатории. Предо мной всплыли картинки огня, стрельбы, преследователей и странной девушки, что заставило меня сморщиться от воспоминаний. А также заставить себя не вспоминать всё это, не ворошить ни прошлое, ни вину за смерть Уилла, моего лучшего друга.

– Как ты себя чувствуешь, сынок? – вдруг послышался знакомый, надломленный женский голос, который старался звучать куда увереннее, чем это получалось на самом деле.

Я посмотрел на мать. И моё сердце сжалось. Она была более худой, чем обычно. Наверняка это ещё из-за переживаний по поводу меня, помимо боли от потери родителей, которые умерли недавно. Я не очень помнил их, так сказать, моих бабушку и дедушку, я не так часто встречался с ними и не был привязан к ним так, как мама. И теперь об этом жалел. Точно так же, как и свою мать. Её русые волосы, цвет которых достался мне, были давно немытыми и спутанными, бледное лицо опухло от слёз, глаза больные и красные, в них отражались страдание и мучение, смешанные с одиночеством и беспомощностью, одежда помятая и изношенная, точно ей было нечего надеть, хотя это было совсем не так. Я знал, что мама давно перестала за собой следить из-за гибели родителей. Казалось бы, рана от их потери должна зажить, медленно, но всё же должна, однако этого не происходило. Она так и не отходила от боли. Как и я. Но хоть мне и было мучительно смотреть в лицо матери, видеть её страдания, я всё же не так отрёкся от себя и мира, как она.

– И... давно ты здесь? – спросил я охрипшим голосом, стараясь не кашлять. Наверное, это из-за того, что я вчера наглотался дыма, хоть этого и не замечал.

– С утра, – тихим, слабым голосом ответила женщина, каким-то пугливым взглядом смотря на меня из-под чёлки. Она сидела в углу комнаты. И, как я заметил, мы находились в больнице. Белые стены, белый потолок, большое окно, лампы, компьютер, который пиликал, что-то показывая

на экране, и кровать, на которой я очнулся. И вроде бы ничего особенного, но это помещение нагоняло на меня ужас, из-за того, что оно было до жути похоже на лабораторию. Место, где начались все мои проблемы, место, ставшим источником боли.

– А сейчас что? – спросил я, недовольно думая, что мне приходится буквально вытягивать из матери информацию и хоть как-то её оживить. Я и сам-то тут был еле живой. – Который час?

– Сейчас? – заторможено переспросила женщина, будто не совсем понимая, что от неё хотели; её мысли явно были далеко от этого мира. Возможно, что на том свете, вместе с её родителями. – День, но уже ближе к вечеру.

– Ты ела? – задал я самый волнующий меня вопрос. Я всегда следил, чтобы мама ела, иначе она могла просто умереть от голоса и слабости. Сам-то я вечно ел не переставая, отчего и был весь такой мягкий и пухлый. Временами меня это даже раздражало.

– Нет, – после недолгого молчания ответила мать, тем самым подтвердив мои худшие подозрения. Сердце в груди обливало нет, не кровью, а слезами. Слезами отчаяния и безвыходности. – Не хотела.

– Ты же знаешь, что тебе надо есть, – строго сказал я, хоть и не любил таким тоном говорить с матерью, но по другому было уже нельзя. Я слишком сильно за неё беспокоился. – Ты же помнишь, что тебе говорил врач?

– Что ты всё обо мне да обо мне! – нахмурившись, раздражённо спохватилась женщина, чему я, на самом деле, был рад, мало ли к чему мог привести дальнейший неприятный диалог, а мне хотелось отвлечься от всех этих проблем, особенно после вчерашнего. – Сам-то ты как?

– Нормально, – коротко ответил я, но, увидев, что маму этот ответ не удовлетворил, поспешил добавить. – Со мной всё хорошо. Честно.

Нет, конечно же, не честно. Далеко не честно. Я лукавил. Я чувствовал, как колола рука, куда воткнулся осколок, испытывал странное, какое-то даже жгучее ощущение в пальцах, ставших почему-то чёрными, ощущал, как что-то гудело в моей голове, будто туда засунули электростанцию. Может, это всё признаки отравления от того чёрного химиката, и я скоро умру? Хотя почему же? Врачи же должны были меня вылечить. Но откуда они знали про яд, если я был в отключке?

– Где отец? – дрогнувшим голосом спросил я, прервав затянувшуюся тишину. «Неужели он не пришёл ко мне?» – хотел я спросить дальше, но решил не давить больше на маму. И так у нас всё было достаточно плачевно.

– Он... – она тяжело вздохнула, явно не желая об этом говорить, но, зная, что я настойчивый в том, что меня беспокоило, решила всё же ответить. – Он занят. Ты же знаешь, он только что устроился на новую работу и не может её снова потерять.

– В этом-то и проблема, – стараясь не обращать внимание на неприятные мысли в голове, я удобнее сел в кровати и внимательно посмотрел в матери в глаза. – Он работал в той лаборатории, из которой я выбрался чудом оставшись в живых, которая сгорела, унеся с собой множество десятков жизней. Он сам-то жив? Успел ли он выбраться из пожара?

Меня мучило беспокойство. Заставляло сердце биться быстрее, ладони и лоб покрываться холодным потом, мозг лихорадочно работать. С одной стороны, я жутко переживал за отца, ведь если мы и его лишимся, то лишимся не только дохода, но и какого-либо понятия о семье, благополучии, счастье, любви... Это был бы удар ещё тяжелее, чем просто смерть бабушки с дедушкой. Это был бы конец.

Однако с другой стороны, мне не хотелось видеть отца. В глубине души я надеялся, что больше никогда не встречу его, никогда больше не испытаю его избиений, никогда не услышу его криков и рыдания матери, никогда не почувствую страх. Почему я был таким трусом? Боялся почти всего? Это было из-за отца. После каждого увольнения с работы он приходил злющий домой и начинал разрушать нашу мирную жизнь. Бил меня и маму. Изливал на нас свою злость, кричал и истерил. Когда это случилось в первый раз, я даже не представлял, к чему всё это приведёт. Отец подавлял меня, заставлял слушать его и подчиняться. Без своего мнения и своего собственного счастья. Я слишком хорошо знал, что такое унижения, боль и страх и пытался это прикрывать

шутками, затмить весельем и дурачеством, словно меня никогда и ничего не волновало. В обществе я был беззаботным и шутливым парнем, а дома – боявшимся сказать лишнее слово. Так я и жил. И умирал одновременно.

– Да, – тихо ответила мама, накручивая на палец локон своих русых волос. Её голос звучал отдалённо, мысли опять были далеко. – Он звонил мне и сказал, чтобы я не беспокоилась о нём. Что всё будет хорошо. Тебе передавал, чтобы ты выздоравливал.

Ярость вскипела во мне. Папа что, издевался?! Нет, чтобы мне помочь в пожаре, найти меня, он сам сбежал и пожелал мне выздоравливать! Очень мне помогло! Прямо чувствую, как жизнь обретала новые и яркие краски! А если бы я умер? Погиб, как и все мои друзья? Думаю, папа бы даже не огорчился, а наоборот – обрадовался. Ведь на одного человека меньше придётся зарабатывать. Вот счастье-то какое!

Я попытался унять свой гнев. Не стоило маме знать о том, какие чувства я испытывал по отношению к отцу и что думал о нём. Ей и так было не легче, чем мне.

– Ладно, и то хорошо, – тихо проговорил я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно.

– Господи, я так волновалась о тебе! – наконец не выдержала и зарыдала мама, подскочив ко мне с объятиями. – По новостям всё крутят про пожар и целый класс убитых детей! Один ты остался у меня! Даже Уилл погиб!

Она прижалась лицом к моему плечу, крепко обнимая. Я

обхватил её руками в ответ, даже не думая о том, что касаюсь её кожи своими почерневшими пальцами. Я был рад, что увидел её, что выжил после злосчастного пожара в лаборатории, что смог обнять свою любимую маму. В душе зародилось приятное ощущение, что всё станет как-нибудь, но лучше. Но зачем она сказала про Уилла? Я вспомнил, как он кричал своим одноклассникам, пытаюсь их вразумить, чтобы они бежали, а не паниковали, как спас какую-то молодую девушку из огня, как сам спас меня грудью от пули. До сих пор помню этот выстрел, этот страх и понимание того, что я лишился самого дорогого. Лишился радости в своей жизни, в своём сердце.

Не желаю вам такой же участи, какая была у меня. Поверьте мне, это было ужасно. Лучше уж жить нормальной жизнью и не знать, что такое страх, смерть, кровь.

Мама вдруг отодвинулось от меня, её лицо выражало беспокойство. Такое же ощущение зародилось и во мне.

– Что-то мне нехорошо, наверное, я переволновалась, – она тяжело встала с моей кровати, на которую села, чтобы обнять меня. – Ты лежи, а я пойду схожу в туалет...

Неуверенными шагами, качаясь как пьяная, и немного трясясь, она вышла из комнаты. Я удивлённо и с каким-то плохим предчувствием смотрел ей вслед, пока не закрылась дверь. С чего это вдруг ей стало плохо? Может, и вправду она переволновалась? Но что-то мне подсказывало, что причина была здесь в чём-то другом, более ужасном...

Более кошмарном. Таким пробирающим до костей и совершенно не похожим на реальность.

Минуту я сидел не двигаясь, соображая, что же делать и как быть, после чего наконец решился пойти за матерью. С трудом встав с постели и пару раз чуть ли не упав, я нерешительно открыл дверь и выглянул из-за неё, будто при какой-то опасности. В белом коридоре почти что никого не было, кроме спешащего куда-то врача и ещё одной парочки медсестёр. Я вышел в коридор, зачем-то тихо закрыв за собой дверь, будто боясь привлечь к себе внимание, и двинулся ко входу женского туалета, который я сразу заметил, как только очутился снаружи. Озираясь по сторонам, точно при каком-то преступлении, и чувствуя, как мурашки бегали по коже, я тихонько открыл дверь в женскую уборную.

Вдруг послышался истошный крик матери. Я увидел, как она закричала, как вцепилась в грудь руками, разрывая одежду, как безумие сверкало в её глазах. Её сильно трясло как при лихорадке, она шаталась и то падала, то вставала с пола с новым криком, словно её что-то мучило изнутри, сводило её с ума. Она стала напоминать мне тех монстров, что я видел во сне, тех тварей, жаждущих моей смерти.

Ком застрял в горле. На несколько мгновений я потерял связь с реальностью. Ужас от увиденного не давал мне разумно мыслить, страх вцепился в меня, будто хотел разорвать мою душу, как это только что сделала мама. Меня поглотило полное непонимание происходящего и жуткая вина. Что-то

мне подсказывало, что во всём был опять виноват я.

Обезумевшая женщина, что ещё секунду назад была моей матерью, помчалась на меня с диким воплем. Я, почти что ничего не понимая, что происходило и почему всё так обернулось, выскочил из туалета, резко закрыв дверь, отчего мать врезалась в неё. Но это её не остановило. Она помчалась дальше на меня, желая убить, растерзать меня своими острыми ногтями, впиться мне в шею, почувствовать на губах вкус моей крови, моей смерти. Расталкивая всех попадавшихся мне людей, я со всех ног убежал от монстра, чувствуя, как разрывались мои лёгкие и пот тёк ручьями по лбу. А ещё мне было плохо: как-никак, а у меня была тяжёлая рана и вообще тяжёлая жизнь. Но я продолжал бежать. Наверное, скоро я уже буду мастером бега и смогу выступать в соревнованиях. Да куда там, в олимпиадах!

Я вылетел из длинного коридора в большой холл и резко закрыл за собой двойные двери. В них тут же врезались несколько тел, в том числе и моя обезумевшая мама. Эта мысль заставила меня почувствовать боль. Огромную, душевраздирающую боль, смешанную с безвыходностью и беспомощностью.

Это была уже не моя мама. Её больше не было.

Внезапно я понял, что когда касался людей, они сходили с ума, превращались в монстров, в безудержных тварей, в таких же чудовищ, как и моя мать, но поверить я в это не мог. Я слышал, как они кричали мне, как бились об дверь, по-

ка вдруг не начали пожирать друг друга. Именно, пожирать. Я просто в ужасе смотрел в пробитое окно двери, как они разрывали друг другу тела и запихивали себе в рот, и трясся от страха, медленно отступая назад. Кровь лилась из-под двери, заливая пол, жуткие крики боли и безумия слышались оттуда...

Но я уже бежал, не в силах вынести эти мучения.

4. НЕЧТО ЖУТКОЕ

Дыхание.

Вот что было для меня худшим в беге. Никогда не дышал так, как надо, отчего всегда задыхался, даже когда только-только начинал бежать. Не понимаю, как вообще люди занимались лёгкой атлетикой и выступали на соревнованиях – это ведь так сложно! Наверное, поэтому я вообще не любил спорт. И ходил ни живой, ни мёртвый.

Но когда тебе угрожала опасность, *смертельная* опасность, а ты дорожил своей шкурой, убежать тебе всё равно приходилось, как бы ты этого не хотел. Я уж точно не хотел ни бегать, ни испытывать на себе всю тяжесть приключений, ни превращать людей в монстров одним прикосновением.

Ноги несли меня мимо выхода из больницы, мимо парковки, мимо людей, которых я отталкивал в сторону. Они что-то кричали мне вслед, но потом резко замолкали, из-за внезапно нашедшего на них плохого самочувствия, истерики и конвульсий, которые в последствии приводили их к безумию, превращая в неистовых кровожадных тварей.

Эта мысль, резко пришедшая в мою больную голову, заставила меня остановиться и в ужасе посмотреть назад. Там бушевали озверевшие люди, разрывая на кусочки других людей. Обычный человек так делать не стал бы. Но это были голодные безумные монстры. Слышались истошные пред-

смертные крики, вопли ужаса и отчаяния. Я чувствовал, как меня толкали в спину, как что-то кричали, ругали меня, из-за того, что я стоял на месте и всем мешал убежать от чудовищ, которые ещё минуту назад были для кого-то другом, для кого-то товарищем по работе, для кого-то отцом.

Но я не мог сдвинуться с места. Меня поразила мысль, что во всём этом бедствии виноват я и только я. Хотя нет. Не будь того странного нападения на лабораторию, не стоял бы я здесь, как истукан, не думал бы над своей виновностью, не смотрел бы на свои чёрные пальцы и не дивился, почему всё происходило именно из-за них, не задумывался бы над тем, что за чёрный химикат попал в мою кровеносную систему и как долго мне оставалось жить, не мучился бы воспоминаниями о смерти Уилла и матери. Точнее, мама же не умерла, она просто превратилась в монстра, в безжалостного психа, который хотел убить меня...

Разве после всего этого я и сам не монстр? Не разрушитель спокойной жизни? Не причина всех страданий и безумия?

Внутри меня с ужасающей скоростью возрастало отчаяние, сжимающее не только моё тело, но и душу, вонзая в неё свои кровожадные клыки, чтобы почувствовать на своих губах мой страх и боль, мою вину и стыд, чтобы насладиться моими мучениями и упиться ими. Бессилие перед всей развернувшейся передо мной картиной заставила меня содрогнуться от своего ничтожества, ведь я ничем не мог по-

мочь ни себе, ни людям, *никому*. А эти монстры, которые когда-то были обыкновенными прохожими, терзали людей, будто они были тряпичными куклами, и наслаждались их муками, не обращая внимания на мои вопящие мысли.

Внезапно появившийся передо мной обезумевший человек тоже захотел меня убить. Что, в общем, было не удивительно. Его чуть побелевшие глаза дико сверкали, изо рта текла кровь, смешанная с пеной, волосы взлохмачены, одежда порвана и вся в алой жидкости, вены ну руках и шее вздулись, покрывшись синей, будто отмершей, кожей. Весь его образ внушал дикий ужас и желание не только закричать, но и вывернуть свой желудок наизнанку, однако я (молодец!) сдержал рвотный позыв.

Однако это вряд ли меня спасёт.

Это уже не был какой-нибудь деловой мужчина, нет, это был монстр, которого создал я. Так может мне и умереть? Не превращать людей в безумцев? Избавить мир от угрозы? Но какая-то неведомая сила заставила меня увернуться от ударов озверевшего человека и снова опрометью помчаться быстрее от опасности. Я снова слился с паниковавшей толпой, но уже старался никого не касаться. Меня толкали, ругали, чуть ли не роняли, но я продолжал бежать, снова задыхаясь, но никого не касаясь.

Чтобы снова не случилось *это*.

Странная магия, с помощью которой я мог превращать людей в сумасшедших. Или же здесь была задействована на-

ука, сложная химия, сделавшая из меня угрозу для всего человечества.

В огромных окнах дома, мимо которого меня несли ноги, а заодно и поток людей, я видел своё отражение: выпученные от ужаса голубые глаза, растрепавшиеся короткие русые волосы, пухлое тело, на котором болталась больничная белая сорочка, но уже обляпанная чей-то кровью, и чёрные пальцы, из-за прикосновения которых, я мог сотворить такой ужас с живым существом...

Правда, жаль, что я ни на килограмм не похудел ни из-за бега, ни из-за приключений, ни из-за химиката. Наверное, мне уже ничего не поможет, чтобы я стал гламурным и накаченным красавцем, как на обложках журналов.

Вдруг я споткнулся и упал, позорно растянувшись на земле. Боль пронзила руки и колени, когда я резко проехался по ним на асфальте. Из горла вырвался крик, когда по мне пробежала пара ног, убегающих от монстров. Мне наступали на пальцы, на ноги, на руки, на тело. Пытаясь хоть как-то подняться с земли, меня снова толкали и роняли на асфальт, отдавливая мне все конечности. Из глаз хлынули слёзы, как из некоторых сломанных органов потекла кровь (в особенности, это был нос). И откуда взялось столько людей? Вроде бы же никого не было. Кроме боли я уже ничего не чувствовал. Мне уже начало казаться, что я попал на тот свет.

И, думаю, это был бы наилучший выход.

Казалось бы, паниковавшая толпа никогда не прекратит-

ся, но тут наступила тишина. Резкая, оглушительная тишина, звоном отдававшаяся в ушах. Я боялся двигаться. Всё тело болело, мучилось и страдало, мышцы были напряжены до предела. Я боялся даже дышать, хотя надеялся, что мои лёгкие не отдавили. Перед глазами всё плыло, я видел, как асфальт был заляпан кровью, как на нём лежали чьи-то останки. Может, меня постигнет та же участь? В глубине души я надеялся на это. Чтобы мои страдания наконец закончились.

Но, видимо, меня не хотели так легко и быстро отправлять на тот свет. Видимо, меня желали помучить в Аду раньше, чем наступла бы моя гибель.

Внезапный гортанный, мерзкий рык заставил меня замереть от страха (хотя я и так не особо двигался из-за бессилия). Сердце бешено застучало в груди, на лбу выступил холодный пот. Я медленно, слишком медленно, с трудом повернулся на бок, посмотрев на горячее солнце, которое заслонил с перекошенным от ярости лицом псих, которого создал я. Он злобно оскалился, когда увидел моё перепуганное и немощное лицо. Конечно, ему-то было весело, ведь он убьёт такого беззащитного парня, как я, и будет только наслаждаться этим, тогда как я визжать от ужаса. С воплем он кинулся на меня, брызжа слюной, смешанной с кровью и пеной. Я резко, что было выше моих сил, выпрямил ноги, ударив обезумевшего человека в грудь.

Никогда, слышите? Никогда так не делайте! Только в гол-

ливудских фильмах это спасало, но только не в реальной жизни! Уж поверьте мне.

Чудовище вцепилось мне в ногу, вгрызаясь в него зубами. Боль пронзила всё моё полуживое тело и я (простите меня, пожалуйста) не сдержал истошный крик. Наверное, он был слышен даже на Марсе. По щекам потекли жалкие слёзы отчаяния и страха. Я чувствовал, как горячая кровь потекла по моей ноге из продырявленной икры, как безумец радостно улюлюкал, впиваясь зубами и руками ещё глубже.

Мгновение – и он бы разорвал меня на кусочки, как и всех остальных людей до этого, но вдруг его снесло с места. Просто – «вжух!» – и его нет. Это сделало что-то белое, толкнув монстра в бок. И этим «белым» – вы не поверите! – были волосы той самой девушки, что спасла меня от охранника во время пожара в лаборатории. Именно, *та самая девушка*. Я застыл от шока, следя за тем, как она резко сняла резиновую перчатку с одной руки и коснулась психа, заодно ударив его со всей силы по голове. Безумец истошно завопил, собираясь напасть на девушку, но тут вдруг резко остановился, будто поглощённый внезапным озарением.

– Серьёзно?! Снова лежишь? – в гневе закричала она таким тоном, будто ругала маленького ребёнка, что заставило меня почувствовать её власть и силу. Куда уж мне до неё! Я просто был мелким, жалким трусом с покалеченным телом. – Ты издеваешься? Или ты просто не знаешь другого положения, кроме как лежание? – в её голосе звучало изде-

вательство.

Но для меня эти слова были как пощёчина. Это было *жестокое*.

– Да, вот видишь, захотел полежать, – набравшись духу, сумел отшутиться я подавленным голосом, как было подавлено и всё моё тело.

С ноющими от боли мышцами я с трудом сел на горячем асфальте, волосы развевал прохладный ветерок. А ведь не скажешь, что сейчас осень, хоть и было только начало. Если дела пойдут так же, то, скорее всего, я и не доживу не то что до Нового Года, а до первых холодов. Или же хотя бы до завтра.

– Оно и видно, – придиричиво фыркнула девушка, рукой откинув свои длинные белые волосы назад. – Только этим явно и занимаешься, – надменный взгляд серебристых, как Луна, глаз зорко устремились на меня. – Джейк, верно?

– О, неужели ты запомнила имя труса? – усмехнувшись, продолжал шутить я, хотя в душе не испытывал ни капли радости. Мне просто нужно было встать. И отдохнуть.

Интересно, и что это на меня так нашло? Вместо того, чтобы поблагодарить за спасение от монстра, я вот так гадко себя вёл. Мысль о напавшем на меня человеке заставила меня посмотреть в его сторону и прекратить своё нелепое шоу с подниманием своего тела с земли. Псих *исчезал*. Именно, исчезал, как это происходило и с охранником, что преследовал меня ещё вчера. У безумца не было уже ни рук ни ног,

будто их и не было вовсе, а из его глотки раздавался жуткий вопль, отчего даже уши заложило.

Зрелище не из приятных, так что не желаю вам видеть *такое*.

– Ты угадал, я до сих пор считаю тебя трусом, – с какой-то даже гордостью в голосе, но со строгим лицом сказала девушка, нахмутив брови и уперев руки в бока. Я заметил, что на них снова были одеты белые резиновые перчатки. Интересно, зачем они ей? Может, она страдает такой же болезнью, что и я? – Вместо того, чтобы помогать людям ты, как и все, просто убегал. Конечно, я не знаю, что тут творится и почему это люди так взбесились, но, надеюсь, ты в этом не виноват.

О! Если бы это было так! Я был бы опять благодарен судьбе. Но, видимо, не в этот раз.

– Ошибаешься, – криво улыбнулся я, мучась болью в ноге. Кровь залила уже не только мою одежду, но и асфальт, проникая во все его трещины. Может, мне посчастливиться хотя бы в этот раз умереть? – Как раз-таки я во всём и виноват.

– А не слишком ли ты слаб для такой масштабной катастрофы? – недоверчиво фыркнула незнакомка.

– Да я силён, как бык! – рассмеялся я, но, когда увидел, что девушка не распрямила свои тонкие брови, то тут же перестал даже улыбаться. Я и так выглядел в её глазах полным идиотом, так что не надо было ещё больше унижаться. – Ладно, не знаю я.

– Как не знаешь? – начала злиться девушка, грозно сверкая глазами, словно в них метались молнии. – Ты только что говорил, что ты во всём этом виноват. В том, что люди стали психами. В том, что они убивали друг друга или съедали заживо. Или ты ещё и лгун помимо того, что ты трус?

– Я... Я не... – я чуть ли не задохнулся от возмущения, отчего даже шутку не смог придумать. Не знаю, что я ответил бы ей, но в этот момент, моё тело пронзила резкая боль, но я заставил себя не закричать.

Это заболела рана, полученная мной ещё вчера. Её жгло, будто руку положили в лаву, муки были адские, словно я и вправду оказался в Аду. И с чего это вдруг она так разболелась? Дрожа, как осиновый лист, я с трудом посмотрел на рану, и все мои худшие опасения подтвердились – повязка, крепко намотанная на мою руку, просочилась кровью, из чего следовал один вывод – порез раскрылся.

Сильно прикусив губу, я с мольбой в глазах поднял свой взор на девушку, тем самым как бы говоря, что не смогу ей ответить. Она заметила мою искривлённую от боли мину и даже как-то смягчилась в лице, перестала быть такой угрюмой и сердитой.

Никогда бы не подумал, что девочки бывают *намного* сильнее мальчиков.

– Ладно, так уж быть, давай помогу, – тяжело вздохнув, она протянула мне руку вперёд, за которую я ухватился и тяжело встал. Рана до сих пор ныла, перекрывая боль в ноге,

одежда порвалась и вконец испачкалась, а ведь на мне кроме сорочки ничего больше не было. И о чём я думал, когда выбегал из больницы? Надо было хотя бы прихватить одежды.

– С-спасибо, – запнувшись на слове, я кивнул и выдавил на своём лице улыбку. На самом деле, я был дал удивлён такой помощью от незнакомки. С чего это вдруг она протянула мне руку помощи? Неужели в ней было что-то тёплое кроме суровости и холода? Неужели она скрывала свою доброе за маской безразличия? Или же просто сложная жизнь вынудила её стать такой? Но спрашивать я не стал, боясь её ещё больше разозлить. – Что ты с ним сделала? – я показал на то место, где стоял монстр, но который уже исчез, заодно перестав так дико орать. Однако от него осталась одежда, которую я быстро напялил на себя, а именно длинные штаны и пиджак, который, прямо скажем, не очень вписывался в мой кровавый вид.

– Неважно, – махнула рукой девушка, наморщив лицо, явно не желая об этом говорить. Но зато я теперь знал, что это было её рук дело: исчезновение охранника, а теперь и психа. В глубине души я надеялся, что в этом мы с ней похожи. Хоть в чём-то. – Кстати, – она слабо улыбнулась (вы не поверите она умела улыбаться! Я был в шоке), заправляя локон былых волос за ухо и отпуская мою руку. Стоп, мы только что держались за руки?! В этот момент я был готов провалиться сквозь землю. – Меня зовут Ванесса.

– Красивое имя, – глупо заулыбался я, заливаясь краской.

И что это на меня снова нашло?

Я всмотрелся в неё. То же самое бело-серое порванное платье, те же самые тонкие руки и хрупкие плечи, те же самые строгие измученные глаза, которые явно хранили немало мрачных тайн, тонкие, но сильные ноги, длинные стопы с потрескавшимися ногтями, и такие прекрасные белые волосы, которые я так любил...

Неужели я в неё влюбился?...

Но мои размышления внезапно прервал звук стрельбы. Ненавижу этот звук. А всё из-за той экскурсии (вы ещё помните, что ни в коем случае не надо на них ходить?). Я испуганно обернулся, чтобы узнать, что опять происходило. Люди уже давно убежали, монстры, созданные мной, бродили неподалёку от нас, ища добычу или разрывая на кусочки своих товарищей. Но помимо них на площадь, на которой я с девушкой каким-то образом оказался, вбежали несколько десятков вооружённых людей, не похожих ни на военных, ни на полицейских. Это были будто чьи-то личные люди. Наёмники. До боли напоминающие охранников из лаборатории.

– Бежим! – в панике закричала Ванесса, дёргая меня за плечо. Она взяла меня за руку (хорошо что не за ту, где была рана), собираясь уже мчаться со всех ног от новых приключений, как обычно я это старался делать, но тут перед нами возник грозный мужчина с каким-то пистолетом в руках. И шрамами на всё лицо. Это было единственное, что я успел запомнить.

– Куда это вы собрались? – он злобно ухмыльнулся и выстрелил электрошокером мне в грудь.

Жуткая боль, конвульсии и непонимание того, почему со мной снова так ужасно поступили, пробыли во мне секунды две, после чего сознание угасло, а за ним исчез и отчаянный крик Ванессы...

5. ПЛЕН ОТЧАЯНИЯ

Мерный, тихий звук мотора заставил меня проснуться. Точнее, медленно разлепить тяжёлые веки, сфокусировать взгляд и чуть простонать от того, что болела голова. Почему-то в последнее время у меня то и дело, что болела голова. Не думаю, что это к добру. Хотя какое тут могло быть добро, если ты всё время посреди зла? Тьма могла проникнуть даже в самое хорошее сердце.

Когда я наконец полностью открыл глаза, то обнаружил, что сидел на полу. Я попытался пошевелить рукой, но не смог. Только после второй неудачной попытки я понял, что мои руки связаны. Я тупо уставился на верёвку, что обвязывала мои запястья и талию. Мой мозг никак не мог сообразить, откуда она взялась, ведь в последний раз её не было. А когда это было в последний раз?...

И тут я вспомнил. Вспомнил, как приснился мне ужасный сон про Уилла и монстров, вспомнил, как обезумела моя мать и как пыталась она меня убить, вспомнил, как я выбежал из больницы, как превратились все люди в монстров. Но самое главное, я вспомнил, как встретил Ванессу и даже смог поговорить с ней прежде, чем на нас кто-то напал...

Ванесса! Как же я мог о ней забыть? Это ведь такая восхитительная (хоть и строгая) девушка! Воин, а не женщина. Эта мысль заставила меня поморщиться от стыда и сквозь боль

во всём теле повернуть головой, чтобы осмотреться, может, даже в поисках её. Девушки, которая манила меня своей силой и величием.

Моё местоположение оказалось в машине. По крайней мере, я так предполагал, но был уверен всего лишь наполовину. Прямоугольное, достаточно большое помещение, в которое можно было встать в полный рост, металлические стены, несколько толстых коробок, в которых что-то звякало. Одинокая лампа качалась туда-сюда из-за того, что машина тряслась. Где же я оказался? Нет, надо по-другому задать вопрос. Куда меня везли? Навстречу приключениям? Интересно, а хоть кто-нибудь знал, что я совершенно этого не желал?

Как следует подумать над этим я не успел, так как мой взгляд привлёк двое вооружённых людей, одетых во всё чёрное и военное. Их пулемёты болтались на ремне, пересекавшие их мощную грудь. Чем-то они мне напоминали тех, кто преследовал меня во время пожара в лаборатории. Неужели они из той же самой компании? И те же люди, которые напали на меня на площади?

– О, очнулся, – заметил мой взгляд один из мужчин, широко и по-доброму улыбнувшись, хотя весёлого тут не было ни капли, разве что моя несчастная рожа. – И долго же ты спал, пацан. Мы, вон, – он кивнул подбородком в мою сторону, – тебе даже успели раны залечить.

Я опустил голову и только сейчас заметил, как на моей ноге болталась белая повязка, чуть испачканная кровью. Также

бинт был и там, где находилась рана от осколка. Чуть пошевелив онемевшими конечностями, я для себя отметил, что ничего не болело. Даже как-то голова прошла. Интересно, почему? Наверное, эти гады что-то мне воткнули, какое-нибудь обезболивающее. Я почувствовал, как внутри зарождалась ярость, смешанная с паникой. А паника была в том, что я ничем не мог себе помочь, кроме как...

Нет, о монстрах я не хотел думать. И о том, что я сам им являюсь – тоже. С меня хватит. Просто хочу всё это забыть и жить нормально.

Жаль, что моим мечтаниям не суждено было сбыться.

– Не хочешь там пить? Есть? – продолжал тот же самый с рыжей кудрявой копной волос мужчина, который был явно заботливый и дружелюбный в душе. Ха, добрый, но с пулемётом в руках. Второй же угрюмо сидел на коробке рядом со своим товарищем, скрестив руки на груди. Он был весь бородатый и загорелый, отчего его лица не особо-то было и видно. – У нас тут немного осталось после обеда, – он снова кивнул головой на пару контейнеров, валявшихся около его огромных ног.

– О... обеда? – охрипшим голосом спросил я, чувствуя, как першило в горле, что заставило меня немного поморщиться. Что-то в последнее время я перестал ориентироваться во времени. Слишком много что происходило, что совсем сбивало меня с толку.

– Да, полдень уже недавно прошёл, – ещё шире улыбнув-

шись, кивнул мужчина. Я отметил про себя, что у него была довольно привлекательная наружность, внушающая доверие, что никак не вписывалось в его громоздкую военную форму и пулемёт. Его бы куда-нибудь в садик отправить, детей развлекать, а не подростков пугать, таких, как я. – Ну, так будешь?

– Но как я буду есть, если мои руки связаны? – спросил я, подавляя улыбку. Если этот мужчина такой добрый, то вряд ли был умный, и не догадывался, что мне не надо развязывать руки. Зато я какой умный! Хоть в кои-то веки.

– Да, проблема, – кивнул он, почесав затылок. Его тонкие брови нахмурились. – Слышь, Джо, – повернулся он лицом ко второму напарнику, – не возражаешь, если я развяжу парнишке руки?

– Ленз, ты серьёзно думаешь, что босс зря сказал нам не развязывать ему руки? – грубо спросил мужчина по имени Джо таким тоном, будто обращался к идиоту. Рыжий по лицу вроде бы не понял подкола, отчего Джо пришлось добавить в ответ, закатив глаза. – Нет, дурень, даже не смей.

– Не думаю, что босс оценит того, что парнишка сдохнет от голода, – ловко возразил Добряк, которого я так назвал, потому что он отлично подходил на эту роль. И неважно, что я знал его имя. – Тем более он сынок нашего новенького.

Я нахмурился. Последние слова мне показались не столь подозрительными, сколь жизненно важными. Пока я не понял почему. Мурашки пробежали по спине, вселяя страх.

Предчувствие беды возникло во мне так внезапно, что я даже не сразу сообразил из-за чего именно.

– К... какого новенького? – нервно сглотнув, я поёжился, ёрзая задом по полу и ощущая, как верёвки больно впивались мне в руки.

– Твой отец, разве ты не догадался? – с улыбкой на лице насмешливо спросил Ленз и тяжело встал со своего сиденья, чуть ли не упав из-за того, что машина подскочила, на что-то наткнувшись. Наверное, мы сейчас ехали по сельской местности, если не где-нибудь в лесу. Интересно, куда и зачем? Меня просто мучило любопытство.

Однако новость об отце меня мучила ещё сильнее. Так вот он куда делся после пожара. Поехал с этими идиотами куда-то вместо того, чтобы помочь матери, не то что ещё мне. Но... мамы больше не было. Как и моей нормальной жизни. Я подавил желание заплакать, а слёзы так и рвались наружу, боль терзала изнутри, не давая вздохнуть полной грудью, отчаяние брало меня в плен, окутывая холодными, ужасающими щупальцами, вызывая душераздирающий немой крик.

– Он с вами? – я пытался вложить в свой голос как можно больше надежды и наивности, будто бы отец был для меня единственным священным спасением.

– О да, он уже в лаборатории вместе с нашим боссом, отчитывается перед ним, потому что...

– Молчи, дурак! – резко ударил в голень мужчины рукояткой оружия Джо, чтобы его напарник наконец захлоп-

нул от боли рот, чтобы не раскрыть мне все секреты. Эх, жаль, что не сегодня я хоть что-нибудь пойму для того, чтобы узнать, куда я вляпался. – Хватит ему рассказывать всё. Он наш пленник и мы не должны с ним разговаривать, – дальше он что-то пробурчал себе под нос, но я смог разобрать только «какой идиот», «уволители бы его» и «что за убогая жизнь». Да уж, у него дела не более оптимистичные, чем у меня.

– Но я же не виноват, что он сынок Роберта, – прокряхтел Ленз, потирая ушибленное место рукой, отчего всё его веснушчатое лицо скривилось.

Роберт.

Так звали моего отца. Но откуда они знали, что я его сын? Может, он рассказал им обо мне? Предал меня, чтобы побольше заработать? Я не был в этом уверен, но плохое предчувствие давало понять, что такое очень возможно. И это меня пугало. Пугало куда больше, чем обыкновенные побои отца и рыдания в подушку.

И что значит, что он отчитывается перед боссом? Неужели это он случайным (а, может, и специальным?) образом поджёт лабораторию? Однако после этого на нас бы не стали нападать охранники, если они вообще когда-либо таковыми являлись. Я явно попал чью-то крупную игру и был в ней не самой простой пешкой.

Если не самой опасной.

Добряк подошёл ко мне, тем самым прервав мои размыш-

ления (что за невезение!). Я внимательно следил за его движениями, подавляя в себе отчаяние и дикий страх, и прорабатывал в голове план побега. Я считал это просто удачей, что мне попались два таких идиота, которых можно было обвести вокруг пальца как это делалось в фильмах. О, да я снова в главной роли, как Том Круз!

Осталось теперь только выбраться с таким же крутым планом, каким был и сам Том Круз. Была всего лишь одна ма-а-ленькая загвоздка – я не был в фильме и меня не могла спасти в любую секунду команда супер технологических умных друзей.

– Босс прикажет тебя расстрелять, ты ведь знаешь его, он не только жадный, но и жестокий, – с видом недовольного гнома проворчал Джо, ещё больше нахмурившись, отчего его лицо буквально полностью скрылось за волосами и бородой, но он даже не попытался физически остановить своего напарника.

Меня поразило то, что они говорили о своём боссе. Расстрелять? Жадный? Жестокий? Боюсь представить, кто это вообще такой. И ещё больше я боялся встречи с ним. Думаю, даже самый отважный герой (не то что я, трус) не захотел бы встретиться с ним. Но зато мне стало понятно, что чем-то я приглянулся боссу, отчего мне даже завязали руки и приказали их не развязывать. И это меня ещё больше пугало. Какие могут быть у босса планы на меня, шестнадцатилетнего мальчишки? Разве что превратить всё человечество в мон-

стров...

От этой мысли мне стало нехорошо. Кровь застыла в жилах. Ужас впился когтями мне в душу. В голову полезли представления о том, как будут ходить по дорогам безумцы, разрывая друг друга на кусочки, как города, да что там города – мир! – зальётся кровью, впитывая её в землю, как небо окрасится в чёрный цвет, как вместо смеха и каждодневных разговоров будут истошные и предсмертные крики людей...

Можно только надеяться, что босс не знал о моей силе и связал меня просто так, как *обычного* пленника.

– Да ничего он не сделает, потому что ничего и не произойдёт, – уверенно сказал Ленз с широкой улыбкой на лице, нагибаясь ко мне, чтобы развязать мои руки.

Несколько секунд я чувствовал тёплое прикосновение груди мужчины к своему плечу, после чего резко оттолкнул его ногами, вскакивая с места (на самом деле, мне совершенно не хотелось этого делать, но иного выхода я уже не видел). Добряк от неожиданности с грохотом упал на пол, после чего я, не жалея ни его (кому я вру! Конечно, мне было его жалко), ни своих конечностей, несколько раз ударил его ногой в живот и в лицо. Послышался мерзкий хруст, обозначающий только одно – даже у самых добрых людей ломаются носы. Мужчина стонал от боли, захлёбываясь собственной кровью и выплёвывая её на пол, который уже был залит алой жидкостью.

Я бы так и продолжал бить Ленза, всё больше и больше

поддаваясь отчаянию и слезам, обиде и гневу, бушующих во мне, как смертельный ураган, пока мне не пришлось резко отскочить в сторону от нападавшего на меня с электрошокером Джо. Вовремя увернувшись (а я молодец!), я прошёл под рукой мужчины и со всей силы пнул ему в спину, отчего тот, пытаясь устоять на ногах (что не получилось), полетел вперёд, так и грохнувшись своей огромной тушей несколько коробок и всех их вдребезги поломав. Жаль, что мне пришлось пользоваться ногами, чтобы случайно не коснуться своими чёрными пальцами голой кожи вооружённых мужчин, отчего они могли превратиться в жутких монстров и тогда мне была бы точно крышка.

– Пацан, не советую тебе влезать с нами в драку, – прошипел Добряк, который резко перестал быть добрым. Он с трудом встал с пола, пошатываясь как пьяный, его лицо и одежду залила кровь (что было очень неприятно, ведь виноват в этом был я). Он косился на мои чёрные пальцы, которых явно сторожился. Правда, я был в нескольких метрах от него, почти что около выхода из машины.

– Я же говорил тебе, дурень, не развязывай его, – прокричал Джо, пытаясь встать с коробок, но снова повалился в них из-за того, что был громадный и тяжёлый, тем более и оружие мешало.

Послышался звук бьющихся стёкол и стекающей воды. Видимо, в этих ящиках перевозили химикаты, которые явно принадлежали какой-нибудь лаборатории. Стоп, лабора-

тории?! Неужели это из той, в которой случился пожар? Неужели эти люди напали на неё, чтобы заполучить какие-то жидкости, но при этом убив столько народу! Всю мою группу! Моего лучшего друга! Или же они решили собрать все вещички и свалить, пока их не поймала полиция? И при этом устроив грандиозное шоу с огнём?

Так или иначе, гнев и ярость заставили моё сердце биться быстрее, глаза злобно засверкать, а голове выкрикивать про себя как клич: «Мсть! Мсть!». Однако всё это смешалось со жгучим отчаянием, из-за которого мне хотелось плакать и забиться в угол как трус. Хотя я таким и являлся, но не до такой степени.

Вопящие мысли и безумные чувства переполнили меня (отчего я чуть ли не кипел как чайник), и я, не подумав, бросился на мужчин, выставив руки вперёд. Ленз отскочил в сторону, будто побоявшись меня, а вот Джо, наоборот, врезал мне по лицу и повалил на пол, приставив ногу к моей спине. Да уж, теперь я точно не был Томом Крузом.

Не знаю, что случилось бы дальше, и что я сотворил бы, может, даже что-нибудь и ужасное, но в этот момент машина резко упала вниз, будто колёс не стало. Послышался мерзкий шипящий звук, точно кто-то проколол шину. Или же прострелил. Джо повалился на пятую точку, отчего я смог вскочить на ноги, но не успел я придумать дальнейший план побега или же просто хоть каких-нибудь действий, как машина, резко подпрыгнув, перевернулась на бок и несколько раз

прокрутилась.

Знаете, может, со стороны, как это делалось в фильмах, и выглядело круто и красиво, но в деле это было не так.

Я бился всеми частями тела об стенки и коробки, осколки царапали мне лицо и руки, заливая их кровью, слёзы застряли в горле, отчего я не мог истошно закричать от боли. Перед глазами всё быстро мешалось, возникали то тела мужчин, то какие-то химикаты, то стеклянные части пробирок, то ещё что-то. Один сплошной круговорот непонятно из чего.

Наверное, так бы и продолжалась крутиться наша стиральная машина, а я бы в ней был как мешок с одеждой, пока дверцы автомобиля неожиданно не открылись и я не вылетел наружу.

На свободу. Или же в ещё более ужасный Ад.

6. ПОПЫТКА НЕ ПЫТКА

Многие люди говорят, что попытка не пытка. Но, знаете, пытка от попытки для меня была ужасная. Так что не верьте этим людям. Они не знают, о чём говорят.

Боль – самая ужасная вещь в мире. Даже хуже, чем монстры. Хуже всего. Моё тело мучилось ею, не понимая, как ещё живо, разум, казалось, опух от стольких проблем и головной боли, мешающей хоть что-то сообразить, чувства были вымотаны и уже ничего не выражали. Так что от боли я уже ничего не ощущал, не думал и не собирался думать.

Но, конечно же (кто бы сомневался), думать мне пришлось, чтобы понять, что на нас напали. А точнее напали на людей, которые похитили меня с Ванессой.

«Ванесса!» – снова вспомнил я.

Не знаю, как спастись дальше, но я твёрдо решил, что сначала найду или даже спасу Ванессу. Или проще говоря, я снова стану Томом Крузом.

Ах, если бы это было так! Это были только мои жалкие мечтания...

Измождённость сковала всё моё тело. Думать о том, что нужно кого-то спасти или хотя бы спасти самого себя, уже совершенно не хотелось. Но это нужно было сделать. Нужно было как-то бороться, как-то выбраться из лап этих странных людей с оружием, не дать себе умереть, хотя я желал это

всеми силами души.

Я с трудом заставил себя оглядеться. Нет, не с трудом, а с великим героизмом и скрипом, будто я превратился в старую колесницу, не желающую никак двигаться. Я лежал на асфальте в луже собственной крови, вблизи валялась ещё одна перевёрнутая машина, из которой торчали множество острых осколков, словно кто-то собрался из них сделать костёр. Отлетев я чуть дальше, и не видать мне ни головы ни своего тела, потому что я был бы проткнут насквозь.

Машина, в которой меня везли, лежала перевёрнутая в нескольких футах от меня и чуть дымилась. Она была вся поломанная и помятая, колёса сдулись от пуль, стёкла почти что полностью выбиты, а из багажника торчала чья-то окровавленная рука, от которой меня чуть ли не вырвало. Осколки стёкол и какие-то химикаты были на земле, опасно валяясь около меня. Кровь застыла в жилах, когда я понял, что снова был на грани гибели. И неважно, что я хотел умереть и жить одновременно. Вдруг услышал звук стрельбы. Несколько людей в чёрной форме, окружив точно такую же крупную машину, в которой везли меня, стреляли по толпе мужчин в зелёной военной форме. Может, те люди, к которым я попал, совершали незаконные эксперименты, отчего военные решили остановить их? Если, конечно, это военные, а не чьи-то наёмники.

Меня пробрал страх, заставляя трястись, словно мне было холодно, слёзы комом застряли в горле, не позволяя

мне вздохнуть, отчаяние билось во мне, как зверь в клетке, в ритм бешеного биения сердца. Тело покрылось холодным потом, точно я только что бежал марафон. Только не ради победы над соперниками, а ради выживания, чтобы спастись от своих врагов, которых, как мне казалось, прибавлялось с каждым часом всё больше и больше. Да уж, дело не из лёгких, особенно для такого перепуганного труса, как я.

Надеюсь, вам повезёт в жизни больше, чем мне. Просто помните, что страх – это поводок, за который тебя держат. Но меня держали **СЛИШКОМ** сильно.

Когда я услышал злобное рычание позади себя, то подумал, что на меня напали (нет, не волки, что было бы куда лучше) монстры, которых создал я. Не знаю, к сожалению это или к счастью, но это был мужчина в чёрной одежде, в такой же форме, какая была у погибших Джо и Ленза. Надежды на то, что он меня не убьёт, развеялись, когда я увидел его перекошенное от злобы лицо и направленный на меня автомат. Интересно, почему его послали ко мне, а не отбивать атаку военных? Может, они думали, что смогут улизнуть от правосудия?

– Вставай! – недовольно прорычал мужчина, пулемётом показывая, чтобы я выполнял его приказ.

Я вспомнил, как то же самое просил парень, преследовавший меня в лаборатории и как он кипятился от злобы. Они что, все такие свирепые, когда видели, что я лежал на земле? И не выполнял их просьбы? Может, я хотел отдохнуть, по-

плакать в ладони и ныть о своей несправедливой жизни, а ко мне приставали со своими глупыми велениями? Что за невежество!

Не желая испытывать судьбу в сотый раз, я медленно, чертыхаясь и надеясь, что мне снова повезёт, вставал с земли, чувствуя, как из ран течёт кровь, пачкая мою и без того грязную одежду ещё сильнее, как ныли мои усталые мышцы, не в силах справиться с такой нагрузкой, какую им пришлось испытать сегодня, как в груди отчаянно колотилось сердце, обливаясь слезами боли.

– Ч... что происходит? – прокашлявшись кровью, спросил я, морщась от страданий, которые я ощущал, вставая с земли и распрямляя затёкшие конечности.

– На нас напали, – грубо толкнув меня в спину стволом оружия, злобно прошипел мужчина, – это всё, что ты можешь знать.

Вау, мне ответили! Ничего себе, не ожидал, честно. Надо же, хотя бы в этом повезло.

– А... кто? – продолжал я испытывать разговорчивость своего мучителя. – И зачем?

– Ты слышал, что я тебе сказал?! – в ярости прокричал мужчина, ещё сильнее толкая меня вперёд, отчего я чуть ли не упал. Ноги еле-еле держали меня в стоячем положении. Наверное, поэтому я и любил полежать, чтобы не мучить свои конечности. – На нас напали и на этом точка!

Голова раскалывалась, словно в ней кипела лава, погло-

щая в неё все мои мысли, дыхание со свистом вырывалось из груди, точно я стал чайником, нервы были на пределе. С трудом сфокусировав взгляд, я посмотрел вперёд, пытаюсь различить, что там происходило. Хотя, ладно, что я выдумывал? Я находился не так уж и далеко от всего происходящего, а точнее в самой глубине. Вокруг меня бегали люди в разных формах, зелёный смешался с чёрным, а это смесь в свою очередь окрасилась в кровавый цвет. То и дело слышались выстрелы, чьи-то предсмертные стоны и переговоры людей, которые пытались найти выход из сложившейся ситуации.

– Двигайся быстрее, – снова толкнув меня в спину пулемётом, прошипел мужчина, свирепо оглядываясь по сторонам. Как я заметил, мы направлялись к машине, стоявшая почему-то отдельно от всех и покрашенная немного в другой цвет – тёмно-синий, тогда как все остальные были зелёные. – Иначе я сейчас тебя прикончу раньше, чем надо.

Ого, меня хотели убить? И даже мою смерть запланировали? Интересно-интересно! Прямо как в фильмах, когда главного героя тоже хотели убить в определённый момент. Правда, его всегда успевали спасти. А вот меня – нет.

– Думаю, я тебя прикончу ещё раньше, – вдруг послышался гневный голос Ванессы, которая внезапно выпрыгнула позади меня из-за машины и коснулась пальцами шеи вооружённого мужчины прежде, чем тот сумел хоть что-либо сообразить.

Третий раз в жизни я обрадовался её появлению, которое,

как обычно, было неожиданным. В первый раз – при пожаре, второй – при нападении психов, а третий – вот сейчас. Я почувствовал, как на душе полегчало, когда я увидел её решительные серебристые глаза, её белые длинные волосы, её испачканное кровью платье и лицо, её отвагу и смелость.

Желаю, чтобы у вас тоже был такой спаситель. Ещё больший спаситель мира, чем я сам. Героями не становятся – ими рождаются. Но мне, видимо, это было не суждено.

Мужчина застыл на месте, широко раскрыв рот и выронив из рук оружие. Его глаза бегали туда-сюда, будто он пытался сообразить, как здесь оказался и что тут делал. На мгновение мне показалось, что он сейчас закричит, но он почему-то стал плакать, что меня удивило. Мужчина в отчаянии уставился на то, как его руки постепенно исчезли точно дым, как он уже не стоял ногами на земле, а висел в воздухе, как медленно *исчезал* из этого мира. Мне показалось, что весь мир вдруг замедлил движение, унося с каждым биением моего сердца не одну минуту. И это меня пугало, вселяя ужас, терзающий мою душу как дикий волк барашка. Только барашком был я, а волком – монстр, живущий во мне, сила, с помощью которой я мог сотворить с людьми самые страшные вещи.

– Как ты? – недобрым голосом спросила Ванесса, отвлекая меня от лицезрения исчезновения мужчины, что взял ещё недавно меня в плен. И хоть её лицо выражало привычную суровость и строгость, я заметил по её глазам, что она

была рада видеть меня ЖИВЫМ. Но не невредимым.

– Меня не убили, значит, всё хорошо, – стараясь скрыть дрожь не только в голосе, но и во всём теле, усмехнулся я, будто был крутым и бесстрашным смельчаком, тогда как всё было ровно наоборот – меня просто распирало от страха и отчаяния, а слёзы так и готовились выкатиться из глаз. – А что?

– Да нет, ты просто весь в крови, – нахмурилась девушка, оценивая мой убогий и побитый вид с ног до головы и одевая на руки перчатки, что меня снова озадачило. Кто же она такая на самом деле? Что скрывала и чего добивалась? – И тебя, как я вижу, это ни капельки не смущает.

– Ну, да, я же герой, меня ничего не колышет, – для уверенности я ещё шире улыбнулся, скорее всего, пытаюсь убедить в этом не сколько подругу, а самого себя, хоть и знал, что бесполезно. – И это я тебя спас, а не ты меня.

– Правда? – сощурила глаза Ванесса, а её губы дрогнули в полуулыбке. Видимо, она с трудом держалась, чтобы не рассмеяться (!) над таким идиотом, как я. – Ой, прости, не знала! Наверное, тебе надо сказать «спасибо»?

Я был в шоке. Это была *шутка*. Её шутка. Девушки, на вид которой не скажешь, что она умела не только смеяться, но и шутить. И я не верил как ни в это, так и ни в то, что мы так *свободно* разговаривали. Она мне казалась чем-то неприступным, совершенно далёким и вообще не из мира сего, будто инопланетянин среди людей. Но ещё меня по-

ражало то, что в такой момент, когда надо было спастись и прятаться куда-либо, мы просто прикалывались друг над другом, словно старые добрые друзья, никогда не знавшие ни смерти, ни опасности, ни химического отравления. В этом мире явно было что-то не так, или же мы были не такие, как все.

– Валяй, я был бы очень рад, – ухмыльнулся я, чувствуя, как в груди всё застывало от происходящего, а сердце билось медленно, будто боялось нарушить своим шумом этот прекрасный момент.

Я представил, как выглядел со стороны: грязный, весь в крови, ободранный, побитый, с растрёпанными волосами, пухлый, бледный от страха, но самое главное – с безумной улыбкой на лице, что подтверждало мою необычность и сногсшибательность. Да, я такой.

Ванесса, нахмутив брови, хотела уже что-то возразить, но в этот момент где-то совсем недалеко от нас послышался звук стрельбы и чьи-то голоса, смешанные с топотом шагов.

– Быстрей, иди за мной, – напряжённо прошептала она, вслушиваясь в общий шум и пытаясь понять, как далеко находились наши похитители.

Когда мы тихо вышли из нашего укрытия, я только тогда понял, что мы находились в укрытии, закрывавшего нас с разных сторон и спасающего от пуль и всеобщего хаоса, в котором я так ничего и не понимал. Самим укрытием являлись две столкнувшиеся друг с другом большие машины,

образовавшие угол, в котором мы и оказались. Что же всё-таки происходило? Кто на кого напал и почему? Зачем нас похитили и почему нас никто не спасал?

В ужасе оглядываясь и боясь, что сейчас нас заметят, я быстро двигался за девушкой, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу. Жутко болели кровоточащие раны, бинт, что мне намотали на руку, просочился алой жидкостью, мышцы ныли и требовали отдыха, но я (что, в общем, был молодец) заставлял волочить свои ноги за подругой. Что-то больно жгло на щеке, видимо, там был порезы тоже от стекла, но проверить я не стал.

Я огляделся. Машины «остановились» где-то далеко от города и вообще от цивилизованной жизни: слева было огромное поле с некошенной чуть пожелтевшей травой, справа – тёмный лес, на деревьях которого появлялись первые осенние листья. Но погода была совсем не по сезону: тёплое летнее солнце, слабый освежающий ветерок, колыхающий зелень, весёлое пение птиц, чистый приятный воздух, которым так и хотелось вздохнуть полной грудью и насытиться им до конца жизни, если бы всё так не болело и не было травмировано.

И только стрельба и кровь омрачали эту прекрасную картинку. Конечно, ведь человеку это свойственно – всё портить и уничтожать своей жестокостью.

– Что за люди на нас напали? – спросил я, пытаясь как паровоз и пытаясь отвлечься от неприятных мыслей. Тело так

и ломилось от такого бега. Особенно от бега по лесу и корням деревьев.

– Чёрные – это плохие люди, они хотят на нас отвести в лабораторию, из которой я сбежала, и ставить эксперименты, зелёные, то есть военные, – наши спасители, которые, к сожалению, не смогли нас спасти, поэтому мы и бежим, – коротко, но не вполне ясно (по крайней мере, для меня) ответила Ванесса, даже не запыхавшись при беге.

– А зачем им нас спасать? Кто они такие и откуда нас знают? – еле двигая языком, снова спросил я, чувствуя, как усталость прекрывала любопытность, распирая меня изнутри.

– Джейк, ты задаёшь слишком много вопросов! – разозлившись, прошипела девушка, перепрыгивая через корни и стараясь, чтобы ветки не царапали её руки и не цеплялись за волосы, тогда как я нёсся напролом, ни на что не обращая внимания.

– Наверное, это потому, что я ничего не понимаю? – улыбнувшись насколько это можно было при всей обстановке, проговорил я, слыша, как за нами кто-то бежал. Видимо, не удастся наш очередной побег. – И не знаю, что происходит?

– Потом узнаешь, когда придёт время, – фыркнула подруга, ускоряясь, чтобы уйти от преследователей. Однако я еле поспевал за ней, тем более меня отвлекали мысли на счёт того, что она сказала.

– Или когда придёт время умереть? – не сдержав нотки

звительности в голосе, обронил я, удивляясь, что вообще был способен на это. Да и в такой момент.

Ванесса ничего не ответила, явно не желая больше разговаривать с таким дураком, как я, или же она просто придумывал план. Она бежала и, казалось, совершенно не уставала. Её дыхание было ровным, ноги легко поднимались и с такой же лёгкостью оббегали корни, что торчали из земли. Её белые, хоть и спутанные, волосы развевались при беге, руки непринуждённо двигались туда и обратно. С неё бы картины писать, а не угрожать ей смертью.

С каждым метром сзади всё сильнее слышались звуки стрельбы. Но теперь стреляли не в военных, а в нас. И не пулями, а электрошокерами. Ноги несли меня вперёд, лёгкие, казалось, скоро просто разорваться в клочья, кровь из множество ран окрашивала траву и листья кустов. В голову врезались воспоминания о том, как я бежал в горячей лаборатории и о том, как бежал от психов, которых создал же я сам. Да я атлет!

– Стойте! – кричали нам преследовали, и мимо моей головы пролетело несколько электрических пуль.

Я в ужасе вильнул мимо пару деревьев прежде, чем понял, что Ванесса куда-то пропала. Я резко обернулся, ожидая увидеть, что девушка бежала за мной, но она лежала на земле, со стоном пытаюсь встать, но из-за вывихнутой стопы не могла этого сделать, отчего всё время падала обратно наземь. От ужаса волосы стали дыбом, в голову полезли

неприятные мысли.

– Чёрт! – выругался я, бросаясь назад к ней. – Вставай! – закричал я ей, вытягивая руку вперёд. Она вцепилась в неё, но её ладонь из-за крови соскользнула вниз, отчего девушка снова упала на землю. Видимо, она поцарапалась где-то рукой.

– Держите их! Не дайте им вновь уйти! – закричал кто-то из преследователей, выстреливая в мою раненную подругу.

– Джейк, беги! – прокричала Ванесса мне прежде, чем её покинуло сознание из-за электрошокера.

Мгновение – я представил себе, как начинал бежать от людей, как оторвусь от них и выбегу куда-то в глубину леса, где потеряюсь и умру от голода, даже не сумев поесть хоть какой-нибудь белки, ведь превращу её в монстра, что убьёт меня... А уже в следующее мгновение меня охватила такая ярость, такая невероятная решительность и сила, что я помчался прямо на своих преследователей, оставив позади Ванессу. Наверное, в этот момент я был более безумным, чем был до этого. И очень глупым. Поддавшись эмоциям и гневу, я подвёл свою подругу и подверг себя ещё большей опасности. В голове словно стоял бушующий ураган, мешающий мне понять, что я вытворял. Невидящим от злобы взором я смотрел на наших преследователей, людей в чёрной форме, безжалостно убивших военных и мою жизнь.

Только я хотел напасть на одного из своих врагов, как настала для меня последняя секунда – меня вырубил электро-

шокером.

7. В БЕРЛОГЕ У ЗВЕРЯ

Мне кажется, я скоро умру.

Нет, правда. Разве я вам когда-нибудь врал? Только не просите у меня руки на отсечение, пожалуйста.

И как бы я не хотел своей смерти, чтобы больше не мучиться приключениями, я всё же боролся за свою жизнь, которая была беспощадна ко мне и ставила сначала одну подножку, потом вторую, затем – третью и так до бесконечности, пока я не СЛОМАЮСЬ внутри. Отчаяние разобьёт мне душу на мелкие осколки, сердце обольётся кровью, заливая все мои надежды и чувства, страх загонит в угол и будет бить меня слезами, пока я не умру. Отличное будущее, не правда ли?

А все эти печальные мысли полезли мне в голову, когда я открыл глаза. И лучше бы не открывал. Как только я это сделал, боль во всём теле проснулась во мне, точно ждала пробуждения моего разума, чтобы сделать всё ещё хуже. Мышцы ног я не чувствовал, словно их и не было вовсе. Руки ныли от множество ран, желудок сводило от терзающего голода, голова трещала по швам, будто её кто-то разрывал на мелкие кусочки, как и мою жизнь.

Тихий стон вырвался из моей груди прежде, чем я успел его остановить. После чего вдруг послышался мерзкий отвратительный звук, будто кто-то выл, отчего кровь стыла

в жилах. Рассмотреть, где я оказался, я не успел: слишком боялся, что сейчас на меня нападёт монстр. Медленно повернув голову в сторону звука, я убедился в своих самых худших опасениях.

Небольшая железная клетка будто для животных возвышалась в нескольких футах от меня. Однако в ней было не животное и даже не человек, а чудовище, созданное *мной*. Оно билось в своём заточении, вгрызалась зубами в решётку и протягивало сквозь неё руку, чтобы достать до меня и насытиться моей кровью. Безумец истошно кричал и выл, чуть ли не захлёбываясь собственной пеной, которая шла изо рта, он стонал и визжал, недовольный тем, что его не выпускали и не давали убить меня...

Но кто именно его пустил? Кто заточил его туда?

И словно в ответ на мои вопросы передо мной вдруг предстал высокий мужчина, вид которого не внушал ни капли доверия: короткие, чуть седые волосы, прилизанные назад, как это делали все важные лица (что меня напрягло), холодные серые глаза, чем-то мне знакомые, но совершенно ничего не выражающие, точно их обладатель не был способен на тёплые и светлые чувства, на доброту и милосердие, а только на хладнокровие и жестокость (отчего мне стало не по себе), бледное лицо, словно при неизлечимой болезни, тёмный как мрак, стоящий в этой пустой комнате, где я оказался, элегантный костюм с галстуком алого цвета, будто его облили кровью, крупное худоватое тело, как будто оно рос-

ло, но не додало, тонкие аккуратные руки, на которых были одеты белые перчатки.

Не знаю, что в мужчине было такого, но он мне сразу же не понравился, его образ отталкивал, мне так и хотелось не смотреть на него, в эти странные глаза, хранящие не мало секретов. Меня так и подмывало от него отвернуться, но я боялся, что, если это сделаю, то меня ждала немедленная смерть, будто только моё жалкое лицо отсрочивало мою гибель (что, в общем, не удивительно).

– Кто... вы? – не обращая внимания на безумные вопли монстра, прокряхтел я, надеясь, что мужчина меня услышит и не убьёт. В горле першило, словно в нём появились множество маленьких шариков, разрывающих мои голосовые связки.

– Как ты себя чувствуешь, Джейк? – собеседник сделал шаг ближе ко мне и слабо улыбнулся, будто бы это было очень весело: смотреть на мои страдания. Кому же тут не бывало смешно? И неважно, что этот человек знал моё имя. В мою больную голову забрела такая интересная мысль, что это, скорее всего, босс моего отца, отчего он и знал меня. Но так ли это на самом деле?

– Кто вы? – чуть более уверенным голосом повторил я свой вопрос, мучаясь желанием заткнуть уши от криков психа, но не мог этого сделать: руки были связаны сзади, а сам я валялся на полу как паршивая собака. Да уж, положение суперское, прямо как в фильмах.

– Я Марк Бертон, но все меня зовут мистер Бертон, и ты будешь не исключением, – снова улыбнулся мужчина, стараясь выглядеть как можно дружелюбнее, но было это совсем наоборот – он словно хотел перерезать мне горло.

– Где я? – тихо спросил я, понимая, что дело продвигается вперёд, что я хоть что-то уже знал. В особенности имя своего главного врага.

– О, как раз я об этом и хотел сказать, – учтиво сказал Бертон, стараясь скрыть нотки неудовольствия в голосе. Этот человек меня пугал с каждой секундой всё больше и больше. – Ты в моей лаборатории, в которой я провожу... так сказать, некоторые не совсем законные эксперименты над детьми.

Сердце в груди пропустило удар. В голове взорвался ураган мыслей, предположений и вопросов, на которых *пока* не было ответов. Что за эксперименты? Может, к ним причастна и Ванесса? Кстати, о ней я очень сильно волновался, но в данный момент моя судьба беспокоила меня куда больше, чем её (возможно, это прозвучало эгоистично, но что правда, то правда). Что вообще происходило?

– Только не пугайся раньше времени, ладно? – увидев, что я был готов расспрашивать его, поспешил остановить меня мужчина и слабо улыбнулся. Он что, дразнил меня своей улыбкой и «дружелюбием»? За это мне хотелось ему врезать. Интересно, откуда во мне возникло столько храбрости? Если это, конечно, была храбрость, а не отчаяние (ко второ-

му я склонялся больше). – Да, я провожу эксперименты над детьми, но не ради славы и денег, а ради блага обществу. Поверь мне, я уже давно пытаюсь помочь человечеству.

Ага, конечно, прям-таки я ему и поверил. Ради общества? Что-то мне не казалось это главной причиной его деяний. Я думал, что тут гораздо всё сложнее и ужаснее, чем он мне рассказывал, но я не мог выдать свои сомнения. Иначе ничего большего он мне не объяснит.

Я слабо кивнул головой, тем самым говоря, что согласился с ним и верил ему безотказно (что было далеко не так).

– Но вот есть одна проблема: я никогда не встречал эксперименты ВНЕ моей лаборатории, – глаза Бертон сверкнули злобным огнём, отчего мне стало ещё страшнее. Я невольно сглотнул комок, точно проглотил якорь. Крики безумца уже не волновали меня, как и боль во всём теле. – Не расскажешь мне, что с тобой случилось?

– С чего вдруг я должен вам доверять? – чуть подумав, нахмурился я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. Чтобы я весь не дрожал.

– А разве это секрет? – хитро ухмыльнулся мистер, выгнув бровь. Однако я заметил, как его руки нервно теребили рукав костюма. – Думаю, если ты расскажешь, то ничего страшного не случится, не так ли?

Медленно я кивнул головой, пытаюсь сообразить и понять, нет ли в словах мужчины подвоха. После чего, с трудом вспоминая, начал рассказывать о том, что случилось

в лаборатории: как появился пожар, как погибли мои друзья и Уилл, как нас преследовали охранники, пытаясь то ли убить, то ли забрать с собой, как чёрный химикат попал в мою кровеносную систему. Единственное, о чём я умолчал, это о Ванессе, боясь, что с ней из-за этого что-нибудь случится. Я сказал, что не она меня спасла, а я сам убил преследовавшего меня охранника и сбежал, пока меня не нашли пожарные. Жаль, что это было совсем не так.

– Интересно, интересно, – задумчиво проговорил Бертон, когда я закончил свою историю. – Однако, мне кажется, что ты что-то упустил. К примеру, такую девушку, как Ванесса, – его взгляд упал на моё застывшее от ужаса лицо, отчего он не сдержал злобную улыбку. – Думаю, мне придётся тебе рассказать, куда ты вляпался, чтобы ты понимал, как серьёзна вся сложившаяся ситуация особенно для тебя, если ты хочешь остаться в живых. Начну с того, что лаборатория, куда ты пошёл вместе с экскурсией, принадлежала мне. Я скупаю небольшие здания в разных городах, устраивая в них, так сказать, лаборатории. На самом деле, под моим руководством туда привозили новое оборудование для того, чтобы только сделать вид, что это типа «лаборатории». После чего я предлагаю местным колледжам экскурсии, типа «это всё так познавательно и интересно», – он усмехнулся, будто бы это было смешно, а не жутко. – А дальше приказываю своим подопечным половину учеников убить, а других забрать с собой вместе с оборудованием. А место преступления при-

крываю пожаром, делая вид, что это произошло чисто случайно. И так каждый раз. И так было и с тобой.

Сказать, что мне хотелось плакать – ничего не сказать. Слезы душили меня, точно мне не хватало сил вздохнуть, отчаяние рвало мою душу в клочья, ужас от правды настолько проник в разум, что тот ничего не мог сообразить, только ждать продолжения. И своей смерти.

– Однако Ванесса всё немного подпортила. Да и **он** тоже, – выделив предпоследнее слово, проскрежетал от злости зубами мистер Бертон. – Она каким-то образом сбежала из-под моего надзора. Не знаю, как ей удалось, но так или иначе она укрылась в машине и доехала на ней до той лаборатории, где случился пожар и где встретила тебя. Не знаю точно, что она искала, но, видимо, своего отца или хоть какую-нибудь связь с ним, ведь как только мои люди сумели поскорее смыться с места преступления на них напали, чтобы найти её. Понимаешь теперь?

В голове всё загудело от работы, точно в ней включили электростанцию. Так вот в чём дело! Те военные принадлежали отцу Ванессы? Может, это есть загадочный «он», о котором упоминал Бертон? Но кто это вообще такой? И что за дьявольская игра тут творилась?

– Мне повезло, что **его** посланных военных было мало, так что мои люди с небольшими потерями смогли отбить их атаку, тогда как ты с Ванессой пытался сбежать, – мужчина в презрении скривил лицо, пытаясь не поддаваться бушующей

щим внутри него негативным эмоциям. – Но хорошо, что всё кончилось нормально. По крайней мере, для меня уж точно. Но не для тебя.

Его губы превратились в злобный оскал, отчего у меня мурашки пошли по спине. Дополнительно к моим страхам ещё и прибавлялись истошные визги монстра, который никак не мог уgomониться ни на секунду. А я только и мог, что со связанными руками смотреть то на него, то на мужчину, гадая, кто же первый меня убьёт.

– Теперь вы прикончите меня за это? – с пересохшим горлом спросил я, мой голос звучал словно из другой вселенной, настолько он был тихий и *сломанный*.

– О, нет, ты теперь для меня не менее важен, чем Ванесса, – злобно усмехнулся мистер. Я подумал, что ему бы в кино в роли какого-нибудь злодея или демона играть, а не заниматься наукой. – В этот раз по чистой поспешности и неосмотрительности мои люди случайно взяли не тот ящик, – продолжал Бертон, тяжело вздыхая, будто ему было сложно принять этот скверный факт, – в котором оказался тот химикат, попавший в твою кровь. Это была ещё одна химическая формула, которая получилась в этом химикате, который я хотел отправить для изучения и подтверждения мои предложений определённым людям, стоящим куда выше меня, но, как видишь, этого не получилось сделать из-за тебя. Однако это шанс для меня изучить твою силу. Ты ведь понимаешь, о чём я?

– Конечно, – вздрогнув, прошептал я, чувствуя, как в груди разрастался дикий страх и ужас перед тем, что мне предстояло испытать.

Сердце бешено билось в груди, словно маленькая птичка о клетку. В голову полезли воспоминания о том, как я превратил маму в монстра, свёл её с ума, уничтожил в ней всё самое *человеческое*. Она была первой, кто стал моей жертвой. Первой, но далеко не последней.

– Вот и хорошо, – улыбнулся мужчина, подходя к клетке с психом, который от его приближения разъярился ещё больше. Он бился головой об решётку, грыз её зубами, отчего они ломались, а кровь заливала пол. – Мне интересно, как у тебя такое получается, – несколько секунд посмотрев на чудовище, он повернул в мою сторону голову, а его глазах горело научное любопытство.

– Я...я точно не знаю, – не желая об этом рассказывать, решил я уйти от прямого ответа, чуть ли не дрожа всем телом. Я понимал, что этот человек ничего хорошего не замышлял, раз он хотел изучить то, как превращать людей в монстров...

– Ты знаешь, что врать не хорошо? – мистер Бертон посмотрел куда-то выше меня, будто сзади меня кто-то стоял. – Особенно, когда за это наказывают.

Мгновение – и боль пронзила всё моё тело, заставляя истошно кричать. Это было слишком неожиданно и слишком жестоко. Спина горела от удара ремнём, в ушах стоял звон,

я чувствовал, как маленькие капельки крови потекли по коже (ведь на мне не было футболки) – настолько был сильный удар, от которого я чудом остался в живых. Смотреть на того, кто это сделал, я не собирался. Зачем? Вдруг меня за это ударят ещё один раз? Я не хотел больше испытывать свою судьбу, которая была и так не милосердна ко мне.

– Как у тебя это получается? – с нажимом повторил вопрос мужчина, не проявляя ни капли сострадания ко мне.

– Одним прикосновением, – сумел выдать из себя ответ я, дёргаясь от боли всем телом. Я не мог двигаться и вообще что либо сделать из-за связанных сзади рук, только мучиться своим положением. – Касаясь голой кожи человека, я могу превратить его в...

Слово «монстр» я не смог выговорить, так как *сам* являлся им. До этого я только у себя в голове думал о том, какой силой обладаю, но не делился этим ещё ни с кем, даже с Ванессой. И даже не собирался этого делать. Мой туманный взгляд упал на клетку, в которой с ещё большей яростью бушевал безумец. Видимо, ему нравилось, когда боль причиняли другим людям. Кончено, таким и был человек – сумасшедший и жестокий, даже если не признавался себе в этом сам.

– А что дальше происходит с человеком? – продолжал допрос Бертон, снова подойдя ко мне. Его глаза пылали жадностью и неудержимым желанием жестокости.

На несколько секунд я задумался, пытаюсь понять его во-

прос и отвлекаться от раздражающей меня боли, но этого времени хватило, чтобы мой мучитель, стоявший сзади меня, снова ударил меня ремнём по спине. Второй удар был намного мучительнее и сильнее первого: боль чуть ли не отключила мне разум. Этот человек явно обладал недюжинной мощью и невероятной жестокостью, чтобы бить беззащитного подростка, как я. Даже жир на моём теле не спасал от страданий. А оптимизм тем более. Страх заковал моё сердце на замок, не позволяя другим чувствам одолеть меня.

– У-у него по-появляются судороги, – захныкал я, даже не пытаюсь скрыть свою слабость в виде слёз, которые жалко скатывались по щекам и падали на бетонный пол. – После чего он безумно кричит и разрывает на себе одежду или вырывает волосы. Сходит с ума, не справляясь с безумием. А потом нападает на людей, чтобы растерзать их и насытиться кровью.

Говоря эти слова, меня чуть ли не вырвало наизнанку, но в желудке было пусто, так что приступ проявился лишь в скручивании тела и дрожании. Перед глазами так и застыла картинка, где мама, вцепившись руками в раковину, истошно кричала, не в силах справиться с вирусом, который поселил в ней я.

Слёзы ещё сильнее потекли из глаз. А отчаяние и безвыходность убивала меня изнутри. Как и жестокость всего мира.

– Вот видишь, как хорошо, когда отвечаешь на вопросы, –

нагнувшись ко мне, Бертон взял меня за волосы и поднял мою голову. На его лице красовалась кровожадная улыбка. – Я знал, как проходит процесс внешне, но я буду проводить над тобой эксперименты, чтобы узнать все тонкости твоей силы. Я всего лишь хотел тебя наказать и показать, что я люблю жёсткую дисциплину. Не будешь слушаться – будешь ещё сильнее страдать, понял? – он резко отпустил мою голову, отчего я закашлял и скривился от боли. – Сэнг, подними его, развяжи руки и позови Ханну. Допрос окончен.

Не мгновение я всё же успел порадоваться, что больше не надо испытывать страх и меня больше не будут мучить, после чего меня кто-то резко поднял на ноги, отчего я чуть ли не упал обратно на пол, но всё же удержался на ногах. Кто-то грубо мне развязал мне руки, а затем толкнул вперёд. Спина больно хрустнула, но я всё же сдержал стон и старался прекратить поток слёз.

Повернуться, чтобы посмотреть на своего мучителя я вновь не успел: меня ласково взяла за руку рыжеволосая высокая девушка, которая мило мне улыбалась, что выглядело странно на общем мрачном фоне.

– Не бойся, идём со мной.

Мгновение – и она вывела меня полуживого из комнаты.

8. С ЧИСТОГО ЛИСТА

Знаете, как только я начал хоть что-то понимать, всё стало ещё хуже и сложнее. Даже математика была не настолько сложная, как какой стала моя жизнь.

Яркий свет ослепил меня также неожиданно, как и появившийся передо мной парень. Но ещё внезапнее было то, что это оказался Уилл! Да, вы не поверите, это был именно Уилл, мой лучший друг! Однако в следующее мгновение я уже сам в это не верил.

Это был *не* он. Не мой товарищ по жизни, не мой путеводитель, не мой помощник и надёжный защитник. Чувствуя, как слёзы подкатили к горлу, я с болью в глазах смотрел на до жути знакомого и похожего на Уилла юношу. У него были такие же взлохмаченные чёрные как смоль волосы, будто бы он никогда их не приглаживал, такое же с правильными чертами лицо, в котором читалась спокойствие и равнодушие, словно его никогда и ничего не волновало, тощее, болезненно бледное тело, на котором мешком висела белая длинная рубашка и такие же белые штаны, точно мы были в больнице, а не в лаборатории. Глаза были такие же голубые, но только холодные, ничего не выражающие, будто бы у их обладателя не было души, а сердце заморожено толстым слоем льда. Ещё, чем он отличался от Уилла, это тем, что его правый глаз был *слепой*, белый, словно глазную оболочку

ку покрыли пеленой. Интересно, что же с ним произошло? Или... *сделали*? Специально или случайно?...

От этих мыслей у меня мурашки пошли по коже, заставляя с испугом съёжиться и надеется, что со мной ничего такого страшного не сделают. Да уж, опять я замечтался.

– Держи, – парень протянул мне в руки белую как и у него рубашку. Его движения были медленные и ленивые, глаза полуприкрыты, точно он удерживался, чтобы не заснуть. Однако мне что-то подсказывало, что это привычное его состояние.

Молча приняв у него одежду, я надел на себя рубашку, стараясь не сильно двигать затёкшими руками и не навредить спине, от которой до сих пор исходили волны боли из-за того, что меня жестоко и беспощадно избили ремнём. Я даже не знал, кто это был, не видел его лица, но помнил его имя и характер и понимал, что надо бы держаться подальше от этого человека. Скривившись от боли, я посмотрел вниз и заметил, что рубашка была мне велика, однако всё равно было видно, что я жирный. Да уж, с этим никогда не справиться. И когда мне наконец удастся похудеть? Не быть таким выделяющимся на фоне всех таких тощих и спортивных? Видимо, никогда.

– Пойдёмте, у нас сейчас по расписанию небольшой ужин, – вдруг заговорила рыжеволосая довольно молодая девушка, о которой я уже успел забыть. – Кстати, меня зовут Ханна и я секретарша мистера Бертон.

Мило улыбнувшись мне, чтобы хоть как-то меня подбодрить, она слабо коснулась морей руки (на которой была, как я раньше этого не заметил, резиновая перчатка) в её глазах светилась искренняя доброта, сочувствие и желание помочь, но она не могла это сделать, иначе бы она пошла против приказа своего босса, а точнее против самого мистера Бертон. И будь я на её месте, я бы никогда этого не делал и не ослушивался бы его. Слишком уж он опасен.

Отпустив мою руку, девушка ещё раз ласково и насколько это возможно успокоительно улыбнулась мне, сверкнув тёмно-серыми глазами, похожими на тучи, и повернулась к нам спиной, сжимая в руках толстую папку исписанных бумаг. Рыжие волосы чуть развевались, когда она шла, цокая каблуками, солидная фигура и довольно большая грудь хорошо выделялись в её чёрном обтягивающим платье и даже пиджак не спасал её от такой красоты, на которую повелись бы многие мужчины. Интересно, все секретарши такие красивые или это только в фильмах да и в моём случае? Так или иначе, она мне понравилась. Нет, только не в смысле внешности, только не подумайте так! Правда, в этом у Ханны и вправду недостатков нет (ну согласитесь). Она мне пригляделась тем, что была дружелюбна и мягка ко мне и что попала в мой список «добряков», в которой помимо неё входила ещё Ванесса. Да уж, не так уж и много, если ещё учесть, что в нём были одни женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.